

18+

ВАЛЕРИЙ МАСЛОВ

**Записки сахалинского
таёжника. Фирсово — Чехов**

КНИГА ВТОРАЯ

Валерий Маслов

**Записки сахалинского таёжника.
Фирсово – Чехов. Книга вторая**

«Издательские решения»

Маслов В.

Записки сахалинского таёжника. Фирсово – Чехов. Книга вторая /
В. Маслов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931535-9

Шесть туристических маршрутов по югу Сахалина. Камышовый, Шренка, Сусунайский хребет. Зимой, в межсезонье, летом, осенью. Время действия — перестройка! Молодые ребята перли на пролом сквозь тайгу, махая хребты, иногда даже без компаса! Про топографические карты не стоит и говорить, ведь всё было засекречено. Сахалин погранзона. Самоутверждались таким способом. Вот мы какие лихие.

ISBN 978-5-44-931535-9

© Маслов В.
© Издательские решения

Содержание

Пятьдесят километров северней	6
1	7
2	17
3	27
4	36
5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

**Записки сахалинского
таёжника. Фирсово – Чехов
Книга вторая
Валерий Маслов**

© Валерий Маслов, 2018

ISBN 978-5-4493-1535-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пятьдесят километров северней

1

Через три недели заканчивается отпуск. В начале июля выходить на работу. Как тяжело приступить к работе в разгаре лета. Чем отпуск продолжительней, тем тяжелей влезать в ляжку трудовой повинности. Отдыхать пришлось много. За три года заработал почти четыре месяца свободы передвижения! Отпуск запомнится надолго, больно активно экстремальный отдых. Запомнится надолго, на всю жизнь запомнится. Это единственный отпуск, полученный за работу на благо развитого социализма. Во время отпуска, хорошо, много погулял по тайге. А планировал, на весь отпуск устроится калымить. Как принято по всей стране, скажем обычай такой.

Так, отпуск начался, хватит ерундой заниматься, надо денег заработать! Собирался клеить крыши на новых пятиэтажках, освоить профессию битумщика, по-другому кровельщика, данная работа не связана с кровельной жестью. Есть такая специальность на стройке, сильно вредная для организма. Дышать парами битума, получать за вредность, какие-то копейки. Заработок у битумщика не плохой, как говорится, всех денег не заработаешь.

Лучше дышать тайгой, здоровее будишь, что и сделал. Пока один, что хочет то и делает. Был бы женатый, как миленький пошел бы дышать битумом, здоровье подрывать. Если бы ходил в тайгу, молодая жена ходила бы налево. По тайге неудобно ходить с рогами. Олень и тот старается держаться на открытых участках!

Два дня назад вернулся с небольшого трёх дневного, короткого маршрута, вдвоём ходили. По речке Сокол поднялись на Сусунайский хребет. Упали в речку Анну, вышли на побережье Охотского моря, берегом больше тридцати километров на юг до посёлка Лесное. Туристы бы лучше снова ушли в сопки по речки Вознесенке, вышли бы в городском парке.

Тимохе надо было в посёлок Лесное. Заглянуть на приёмный пункт папоротника, взять талончик на приобретение дефицитного товара. Сестра просила талончик, ему не на что приобретать дефицит. Четвёртый месяц баклуши бьет, денег не копейки. Многие его укоряют, что, мол, шарахается по тайге, не работает. Деньги, мол, зарабатывать надо, а не медведей пугать. Да пошли они все козе под хвост. Он имеет полное юридическое право бить баклуши по тайге, пугать медведей, заработал это право свободного передвижения!

Турпоход получился серым, намёрзлись ребята как цуцки. Природа преподнесла Тимохи подарок в честь дня рождения. Своеобразный подарочек, проверка на вшивость, или растают или околеют. Вшей не оказалось, выдержали, не растаяли, не околели, но было очень холодно.

Нормальные люди на свои именины обычно гулянки устаревают. Родню, товарищей приглашают, что достанут из спиртного тем и отмечают. За два года антиалкогольный закон принёс свои плоды. Совсем не те, что хотело, думало правительство. Естественно, если брать версию культурно экономического развития, перестройки общества на трезвую голову. То, что народу вдалбливают средства массовой информации. Основная версия, на счёт сухого закона и дальнейших поворотов в худшую сторону, это хорошо спланированное, продуманное, поэтапное озлобление пролетариата против компартии.

Тимохины именины в восемьдесят седьмую лихую годину получились ужасными. Какой год, такие именины. А ведь все шло нормально, даже можно сказать отлично. С напарником Шуриком, с которым восемь лет назад на речке Долинке играл в зарницу по таёжному. Выехали

первым рейсом на город Долинск. В посёлке Сокол покинули автобус. По хорошей грунтовке дошли до нового щебеночного карьера, предприятие только начало работать.

Стоит одна маломощная дробилка, пять балков, десяток единиц техники. От карьера, десять километров по старой японской дороге дошли до развилки. Дальше пошёл не знакомый, новый путь, без каких либо троп, по южному ключу речки Сокол полезли на восток. Перевал взяли в полдень. Удивились обилию черемши растущей на перевале. На самом деле черемши на данном перевале кот наплакал. Просто впервые увидели массовое произрастание черемши, небольшую делянку черемши.

Упали на восточный склон Сусунайского хребта. По крупному ручью вышли на речку Анну. Река бежит с юга, сразу за устьем ручья, по которому падали, поворачивает на восток. На развилке в кондовом ельнике огромная стоянка туристов, оказывается народ ходит по Анне, ещё как ходит. Дальше пошли по тропе, на пути стали податься медвежьи визитки.

Прошли по тропе примерно с полчаса, здесь косолапый всю тропу обгадил. Ещё через полчаса ходу тропу потеряли. Потом нашли другую тропу, выяснилось, что в этом году они на речке Анне не первые. Совсем недавно вниз прошли два человека. На ночь стали в среднем течение реки. Рыбалка плохенькая, надёргали подкаменки на жидкую ушницу, не одной мальмы.

Ночь прошла нормально, морда косолапая не приходила и не проходила. Ночка тёплая была, утро пасмурное, какое должно быть после тёплой ночи в середине июня. Позавтракали, свернули бивуак, пошли вниз, иногда, теряя тропу, места не знакомые. Ниже по течению, на левом берегу, на южной стороне, зелёнка вымахала за метр высотой. Почти после каждого брода приходилось искать заход на тропу. Ближе к морю потянуло микроскопической моросью, началась страна моросейка. В июне на восточном побережье Сусунайского хребта, такая погода может стоять неделями. А в Сусунайской долине, в это же время солнышко сияет, жара.

Туристы обуты в кроссовки, летом все туристы ходят в кроссовках, болотные сапоги обременяют. В сапогах тяжелей идти, их сушить долго. С годами Тимоха поменяет точку зрения по этому поводу. Будет круглый год ходить по тайге в болотных сапогах, для хождения по тайге лучшей обуви не найдёшь. Река Анна в это первое посещение практически не чем не запомнилась. В верховьях реки много мелкой черемши, трава растёт рядом с речкой.

Много следов, то есть автографов и помета, то есть визиток косолапого. Кругом ельник, поймы маленькие, узкие. Характер речки крут, нервная река, течение быстрое, броды глубокие. Если бы шли в болотных сапогах. В нижнем течение потратили бы много времени на поиски бродов. Вода ещё приличная, после весенних паводков не успела упасть до минимума. В кроссовках залазают в речку, не глядя на глубину брода.

Вышли к устью, море грязное, накат средний. Можно сказать, море слегка штормит. Ребята мокрые до нитки, стали зябнуть. На устье переоделись в сухие вещи. Дернул же чёрт на такой шаг, на глупый поступок. Тимохина инициатива, посчитал, что по побережью тропа хорошая, широкая. Раньше, за место тропы была дорога. Народу много ходит, сам пробежал по этой тропе. Будут сухие, дождя ведь нет. Сыплет микроскопическая морось, которую не руки, не лицо не ощущают, а кругом всё мокро. Немножко позировали на скалах возле устья Анны. Самое красивое, колоритное устье из всех семи рек восточной стороны Сусунайского хребта.

Парниша крупно просчитался, насчёт, того, что по этой хорошей тропе не пострадают от страны моросейки. В начале июня по данной тропе никто не ходит. Турбаза Горный воздух начнёт функционировать со второй половины июня, когда восьмиклассники в школах экзамены сдадут. На проверку тропа оказалась не такая уж чистая, заросла, однако, дорога.

От скал тропка полезла на плато, тропы фактически не видно, мощный лопух и другая зеленка прикрыли, замаскировали путь-дорожку. Возле моря зелёнка в рост и выше. Отошли от скал всего на тридцать метров, их пока хорошо видно. А уже мокрые до нитки. Вот это Тимоха учудил! У них больше нет сухой одежды. Вот это у него сегодня именины!

Тропа с зелёного плато нырнула в лес. Думали, в лесу будет суше. Не будут больше получать дополнительные порции холодной воды. Да, да, совершенно, верно, думали. Задеваешь елочку растущую возле тропы и как будто только что из речки вылез. Местами путь идёт по зарослям бамбука, по пояс. Одинаково, что речку бродить по пояс. Всю воду с бамбука забирают на себя.

После прохождения бамбукового участка, вода ручьем стекает. Хорошо, что на тропе не было бамбука по грудь и выше. В болотных сапогах было бы теплей, вода бы в сапогах нагревалась. И было бы тяжелей идти, это тоже разогрев.

Рюкзаки не тяжелые, пятнадцать килограмм не наберется, данный вес грелка слабая. Если только пустится по тропе галопом, а силы на галоп где взять? В кроссовках постоянно получаешь порции свежей холодной воды. Если начали, мёрзнут ноги, хуже дела не бывает. Хоть шубу на себя напяль, всё равно будишь мёрзнуть. Курили стоя, не всегда получалось зажечь спичку с первого раза. До того руки околели, что пальцы плохо работали, ломали спички.

В середине июня так замёрзнуть, что не слушаются пальцы рук? Да такого быть не может. Разумеется, быть не может, где-нибудь в Крыму или в Африке. На юге Сахалина очень даже может быть! Однажды, через одиннадцать лет после вот этого подарка в честь дня рождения. Тимоха будет выходить из леса в последних числах июня. Падал по речки Чусовой, кстати, шёл с речки Анны! Рюкзак совершенно пустой, топор с котелком считать не стоит.

Временами приходилось бежать, чтоб согреться. Над Сусунайской долиной дождя нет, дождь зацепил на хребте. Вышел на поля, до автотрассы пять километров. Так околел, что не мог застегнуть ширинку на брюках. С горем пополам застегнул на верхнюю пуговицу, чтоб штаны по пути не потерять. Не доходя метров двести до остановки пришлось изрядно помучиться, по нервничать справляясь с такой щепетильной проблемой, как застёгивание ширинки. Ведь не полезешь в автобус с ширинкой нараспашку. Пальцы, ну совершенно не хотели слышаться.

Мокрые, трясущиеся от холода туристы упорно двигались на юг. Было невозможно стоять на одном месте больше трёх минут, зубы начинают крошиться от щелканья. Остановятся, сообщая зажгут спичку, в три затяжки вытянут по папиросе, чуть ли не бегом по тропе на юга.

Устье реки Симау проскочили, не останавливаясь, местность открытая, с моря задул свежий ветерок. Дальше снова лес, мокрый бамбук, елки полные воды, снова тропа скачет по глубоким распадкам. Когда же всё это кончится?

Наконец добрались до заветного ручья. Устье реки Жуковки в километре южнее. Бегом по ключу вверх, триста метров и будка. Какое счастье, вот это настоящий подарок на день рождение. Тимохи ни кто подарки не делает. Приходится таким извращённым способом устраивать подарки не из нечего. Самому устраивать счастливые мгновения. Сделать счастье, очень просто. Счастье можно сделать из чего угодно.

Пример на лицо. Счастье – мгновенное состояние души, если счастье долго не проходит, то, извините, вы душевно больной! Парниша вёл напарника, стиснув колотящиеся зубы именно на эту избу. Они могли развезти огонь на тропе в любом месте. Смысла не было. Тянули до последнего, до избы. Завели печурку, отогрелись, просушились, переночевали.

Утром стало еще холодней, сильный ветер, море кипит, зато сухо. Страна моросейка закончилась. Холодина, такая, кажется, вот-вот снег пойдёт. Речку Жуковку форсировали по двум брёвнам. Кто-то переправу мастерил, скорей всего эти мостостроители или сапёры, ночевали в той же будке пару днями раньше. На речки Вознесенке пришлось разуваться, холодная водица, хорошо, что мелко.

Впереди Долинка и глубокий брод. Пробежали, промесили семь километров морской песок. На Долинке на левом берегу у глубокого брода стоят два рыбака. Им надо на правый берег, куда и двум туристам надо. В болотных сапогах здесь не перейти. Вода поднялась, море штормит, гонит воду обратно в реку, плюс прилив. Хорошо видно слабое течение Долинки на запад в обратную сторону. Минута, две река снова потекла, как положено и снова вода меняет направление.

Рыбаки стоят в куртках, в вязаных спортивных шапочках, холодина, с моря ветер усилился до ломового. Это хорошо, хмарь всю выдует, погода восстановиться надолго. Мужики думают, как речку форсировать. Туристам думать нечего. А может не чем? Подошли к броду не слова не говоря, разделись до трусов, сняли трико, кроссовки. Рыбаки на них смотрят ошалевшими глазами. Холодина стоит, два молодых разделись, по пояс в воде пошли к правому берегу. Брод тихий, но сегодня больно глубоко.

Тимохе пришлось окунуться по грудную клетку. Так что свитер, футболка, естественно, и трусы намочили. Нечего страшного, в рюкзаке сменка сухая. Если бы не рыбаки, форсировали бы Долинку гольшом, мальчики чересчур стеснительные. Рыбакам и этого зрелища вполне хватило! Долго будут вспоминать. Сколько раз парниша форсировал данный брод, сколько ещё предстоит, но глубиной по грудь единственный раз. Напарник почти на голову выше, ему было немного легче. Вот такой получился турпоход, серый и холодный.

Куда бы ещё сходить? Куда сходить задумка есть. Вот только с кем сходить? Кто может согласиться на авантюру продолжительность в неделю? Кто захочет неделю шнырять по сопкам, шнырять неизвестно где и куда? К тому же не возьмет, на серьёзный маршрут первого попавшегося, ему проблемы не к чему. Без проблем оно легче живется. Тогда лучше одному идти. Знакомые кто боле менее нормально ходит по лесу, все работают.

Стоп мотор. А сосед то, кажется, тоже отпуск догуливает или уже догулял? Да, да, тот самый, из банды юных археологов, юных могилакопателей. У него речка Долинка находится от Лесного в сторону Охотского. Тот самый блохастый и толстый, тот который боится беглых корейцев в синих рубашках!

Тимоха спускается этажом ниже. Нажимает на звонок. Советский дверной звонок мёртвого поднимет. Дверь открыл Андрюха, он то и нужен.

– Здорово! Что, уже вернулись? – он заходил вечером перед стартом на речку Анну. Андрюха в курсе всех таёжных вылазок соседа.

– Здорово! Два дня тому назад вернулись. А ты что, думал, не вернёмся, а может, желал, чтоб не вернулись?

– Ничего я не думал и не желал. Как сходили, что интересного видели? Как Анна, Симау?

– Сходили, хуже не пожелаешь, замерзли, целый день шли мокрые. Зимой так не мёрз. С моря микроскопическая морось или густой туман. Короче, воды не видно, но всё кругом в воде. Не черта не видели. Анна как текла, так и течёт. Симау прошли, не заметили.

– Как так, Симау не заметили? Вы, наверное, и медведей не замечали, бежали, что ли так быстро?

– Андрюха, какие медведи? Зубы так стучали, что косолапые все попрятались, подумали, что мы шибко голодные. Не останавливались мы на Симау, речку перешли и бегом к лесу, быстрее спрятаться от ветра. Слушай, Андрюха, ты в отпуску или уже заступил на трудовую вахту?

– С первого числа на работу. Следы хоть видели?

– Чьи следы? Медвежье что ли? Да полно, кругом, что Анна вся в следах, в кучах помёта, что и береговая тропа. А то место где с тобой в том году от страха тряслись, так же всё истоптано, зелёнка поломана.

Перед окончанием тропы, где тропа выходит с плато на береговую полосу. Примерно в двух километрах северней устья Жуковки медвежий рассадник. Тропа проходит сквозь зелёнку, по слегка заболоченному участку. Зелёнка – сплошной лопух, нет, не какой другой травы. Воды нет, густая чернозёмная грязь. На этой грязи масса следов косолапого разных размеров, кругом ломаная зелёнка. Жутко становится, хочется быстрее покинуть не приветливое место, при этом, не нарвавшись на хозяина жуткого положения!

– Тебе первого июля, а мне седьмого на работу. У тебя, кажется, палатка была, да?

– Что, палатка нужна? Да. А куда лыжи наострил? Ты, наверное, Тимоха себе цель поставил, медведю в лапы угодить? Всё встречи ищешь, смотри, кто ищет, тот находит. А ты хорошо, упорно ищешь.

– Андрюха, сам знаешь, что встречи у меня были, даже время пытался спрашивать у косолапого. Ты, наверное, огорчился, что и на Анне меня медведь не сожрал? Признавайся, доброжелатель!

– Да на Анне что. Вот когда ты с Гошей по Фирсовке в мае лазил. Как только вы целы остались? Ведь там медведей пачками.

– Это всё враки рыбаков. Не встретили не одной пачки, даже россыпи не было. В Мицулёвских лесах быстрее медведя встретишь, чем на Фирсовке. Мне Андрюха не только твоя палатка нужна, но и ты мне нужен. Как раз про Фирсовку вспомнил. У тебя есть возможность лично убедиться, что косолапые по Фирсовке пачками не ходят. Народ врёт. Хочу пройти по конкретному маршруту Фирсово – Чехов.

– Тимоха, что ты в этом Чехове потерял или кого?

– Я в Чехове не когда не был, маршрут интересный.

– Ты уже который раз идёшь поэтому интересному маршруту, всё не как придти не можешь. Вы же месяц назад пытались или в Чехов выйти или чтоб медведь вас сожрал. В Чехов не вышли, медведь не сожрал. А, забыл, вы ещё пытались разбиться, под конец пробовали утонуть!

– В который раз? Это будет третий раз, как известно бог любит троицу.

– Ты имеешь в виду, что на третий раз медведь тебя сожрёт? Извини, ну это как-нибудь без меня!

– Да причём здесь медведь, он подавится моими костями. Слухай сюды. С Гошей мы нечего толком не знали, попёрлись на наш авось, даже в карту не заглянули. Хотя у Гоши дома не плохой атлас Сахалина. Снега в верхах было много, вода огромная, временем, то мы располагали. А теперь самое главное. Я тебе, кстати, об этом рассказывал. На папоротники в Лесном встретил знакомого охотоведа, он там приёмщиком работал.

– Рассказывал. Ты талон взял?

– Мы зашли на пункт, верней я один зашел. Взял талон на четыреста килограмм, поехал госпромхозовским автобусом. По пути Шурика подобрали, мы опять поругались. Холодина, ломовой ветер, Долинку в трусах бродили. Вылезли из речки, оделись, обулись, а он курить собрался. Бежать надо, разогреваться.

– Да вы каждый раз ругаетесь. Ты и с Гошей ругаешься. Со всеми короче, ругаешься.

– Не пойдёшь со мной, и с тобой поругаюсь. Понял?

– Что будишь на талон брать?

– А тебе то, что так интересует? Волгу возьму, ГАЗ-2402.

– Колесо что ли от Волги?

– Потихоньку, полегоньку, не всё сразу и Москва не сразу строилась. Сначала колёса, дальше всё остальное. На балконе буду слаживать детали, узлы. Лет так через тридцать машину

соберу. Таких автомобилей к тому времени уже не будет. А у меня новая тачка старого образца, раритет. Знаешь, сколько она стоит будет? Продам, как раз на вертолёт хватит. К тому времени личные вертолёты будут. Я уже старенький стану, по сопкам пешком не походишь, только не вертушке.

– За рубежом уже есть частные вертолёты. А сколько надо папоротника на машину собрать?

– За границей что ли?!

– За границей деньги есть покупай любую машину без всякого папоротника. А у нас надо лет десять в очереди стоять или папоротник собирать.

– А всё Андрюха потому, что у них там папоротника нету, не чего собирать! Ты таким тоном говоришь, как будто у тебя есть деньги на тачку. Узик или Волга три с половиной тонны папоротника. В одиночку, за сезон ты не когда не соберёшь этот объём, да же с помощью вертолёта. Человек физически не способен меньше чем за месяц нарвать столько папоротника. Везде, на всех пунктах скупают вес, доплачивают по тридцать, по сорок копеек за килограмм. Не хочешь скупать ходи пешком или катайся на Запорожье.

– Это выходит, килограмм до рубля доходит. Ты продавал вес, да?

– В этот раз не продавал. Был там один ухарь, по двадцать копеек за кило скупал. Я послал его подальше. Талон то на четыреста килограмм, с какого перепуга мне дали, если бы я свой вес продал? В госпромхозе такой же бардак как по всей стране. Когда папоротник начинался, было четыре УАЗа, три Волги. Сезон папоротника перевалил за середину, и уже совсем по-другому говорят, мол, один узик и одна Волга были самого начала папоротника. Три УАЗа, две Волги нужные люди взяли без всякого папоротника. Талон сестре отдал, она уже отварила. С Анивы стиральную машинку, малютку привезла и косметику.

– А где она отоваривалась?

– Слушай Андрюха, ты меня достал с этим талоном. Я тебе русским языком сказал, в Аниве отоваривалась, в госпромхозе.

– По-моему в Троицком, в магазине есть отдел для сдатчиков мяса, там такие шмутку путные висят и не купишь.

– Повторяю последний раз, я в лесу папоротник собирал, а не мясо!

– В том отделе отовариваются и те, кто папоротник собирал.

– Тогда что ты плачешь, шмутки классные? Ты в отпуску был, нечего было дома сидеть. Рюкзак в зубы и вперёд в сопки за папоротником. Андрюха, я сдавал папоротник на приёмный пункт Анивского госпромхоза. В Троицком магазин от Южно-Сахалинского коопромхоза. Совершенно разные организации, хотя делают одно дело. Оставь ты это папоротник в покое. Слушай самое главное, что хотел сказать. Охотовед рассказал весь путь до речки Чеховки, до самого перевала на Камышовом. И даже рассказал, дав при этом ориентиры, где по пути стоит классное зимовьё. Идём?

– Да я ..., – замылся сосед, придумывая, что сказать, как отказаться? При этом, не облизав Тимоху. А может всё-таки сходить? – Надо в общагу ехать, у жены спрашивать, – пока сосед на распутье, не может определиться.

– Что спрашивать, путь на Чехов? Мне уже рассказали и я не уверен, что Ольга знает путь на Чехов, – надо добить, сломать соседа психологически, чует Тимоха, должен, он согласится. – Ты же не водку пить идёшь и не по бабам. Ольге скажешь, что со мной в большой поход собрался. Она тебя сразу отпустит. Раз пойдёшь с Тимохой, да ещё в большой поход, то шансы не вернуться, увеличиваются в несколько раз! Фактически срыва не будет. У Ольги будет стабильная надежда, что ты не вернешься.

– У тебя Тимоха талан в турпоходы приглашать. Турпоход будет отличный, шанцев не вернуться, хоть отбавляй. Водку пить и по бабам ходить шанцев не вернуться, нет, они ровны нулю.

– Не скажи, смотря, что пить и какие бабы! Где Андрюха фотоаппарат взять?

– А свой куда дел?

– Всё, нет фотоаппарата. Не выдержал ФЭД такой нагрузки. Морось с охотского моря достала фотоаппарат, угробила. Видоискатель отклеился, выпал из гнезда. А это уже всё, видоискатель устанавливается с точность до сотой миллиметра. Человек выдержал, аппаратура нет. Железо слабее человека. Но если бы ФЭД лежал в рюкзаке, а не на шее болтался, то всё было бы нормально.

– Короче, ты сам угробил фотоаппарат, а списал на дождь, молодец! Сильно лило?

– Ты глухой? Дождя не было, морось с моря и холодно, опять же с моря. Сколько ты мне ещё зубы заговаривать будишь? Они пока у меня не болят. Давай конкретно, без вокруг да около. Желание идти есть? Давай Андрюха решайся, а то я один пойду. Пропаду в тайге, и это ляжет на твою совесть.

– Ага, пропадёшь, кто бы говорил. После обеда поеду в общагу скажу жене. На сколько дней идём? Что на ноги надевать? – всё, Андрюха решился.

– Надо рассчитывать на неделю, обувь кроссовки и сменку лёгкую брать. Спальник у тебя есть?

– В прокате возьму.

– Смотри вшей не подцепи.

– Сколько беру спальник в прокате, пока не подцепил.

– А что, много, часто берёшь? А, я же забыл, ты у нас супер походник огородник.

– Слушай, ты, будешь обзывать, не куда с тобой не пойду.

– Я больше Андрюха не буду и кстати на счет вшей. Ведь не ты один рискуешь, спать то будем в одной палатки. Раз на раз не приходится. Вши это семечки. Можно поймать, что не будь по страшней. Это же спальная принадлежность. Грибок, чесотка, чума, тиф, холера. Тебе что сорок рублей жалко, ведь на стройке работаешь, деньги лопатой гребешь, верней топором рубишь по лёгкому!

– У меня Тимоха семья. А что дальше не пошел? Про СПИД не сказал. Тиф, чума, холера, ушли в прошлое.

– Ещё не вечер, как ушли в прошлое, так и придут из прошлого!

Тимоха просто чёрно пошутил, подурачился, а это оказалось пророчеством. Если бы ему сказали, что в девяностых годах на Сахалине появится холера. Он бы рассмеялся в глаза говорившему, посчитал бы его за идиота. А получится то, вон оно, как, и холера и брюшной тиф и даже случаи бубонной чумы появятся в стране в преддверье двадцать первого века. Негде ни будь в отсталой африканской стране, а в бывшей супердержаве, которую боялись все без исключения.

– Андрюха, у тебя случаев тушенки нету?

– Да пару банок свиной, могу выкроить.

– Свинина пряная, – сказал Тимоха с вздохом огорчения, его вопрос относился к говядине тушеной.

– Ну что сделаешь, на безрыбье и бокоплав за селёдку прокатит. В это время мелочёвка должна хорошо брать.

– Вы хоть на Анне рыбу ловили?

– Анна, Анна, рыбная речка, гольца много. Не хрена в ней нету кроме, мелкой подкаменки. Надёргали пяти сантиметровой подкаменки на лёгкую ущицу. Вода была ещё большая. Анна строптивая речка, перепады сильные, резво вниз бежит.

– Я с собой удочку возьму и спиннинг с блёснами. Не чего себе, по каким речкам пойдём и не порыбачить.

– Один, весной тащил с собой пару килограмм блесен и спиннинг. В итоге поймал две мальмачки. Кто в тайге спиннингом рыбачит? Прутика что ли не найдёшь? Таскаться с этими дровами.

– Прутиком ты сам лови. А я так уж и быть потаскаюсь с дровами. Не чего страшного, не поломаюсь. Зато будет удобно рыбачить и не надо нечего искать.

– Да, ты Андрюха как всегда прав. Путь пойдёт по степным рекам, ещё надо будет найти прутик! Да хоть малый рыболовный сейнер с собой на буксире тащи, только за мной поспевай. А фотоаппарат попробую у Серёжи взять. Да что попробовать? Возьму.

– Он тебе его даст? Ты таким тоном говоришь, как будто уже взял.

– Тебе нет. А мне, куда он денется, фотоаппарат у него лишний. Не нужная вещь в доме, не пользуется он фотоаппаратом, не умеет. Сережа, кажется, в родственники набивается, с Иркочкой у него гляжу серьёзно. Будущим родственникам отказывать нельзя. Тебе Андрюха надо будет в город заскочить, плёнки взять.

– Какой, сколько? Во! Вспомнил, я тебе сейчас палатку дам. Она немного местами порвана, посмотри, подремонтируй.

– Ну, ты жучара и хитрый! Все, небось, ждал, когда кто палатку попросит. Самому лень шить, да? Немного порвана это в одном месте дырка. А не много местами порвана, значит не одна и не две дырки. Если по палатки стреляли, а вы в ней прятались или косолапый вас пытался выковыривать с палатки, то она, скорей всего ремонту не подлежит.

– Ты посмотри, ни кто не стрелял, и медведь не рвал палатку. Какой плёнки брать?

– Тридцать две единицы, штуки четыре.

– Если она будет.

– В Любители она Андрюха будет, верней была пять дней назад. Шестидесят пятки парочку возьми.

– Если тридцать двойки не будет, значит шесть шестидесят пяток, так?

– Так-то оно так, но ты всё-таки в Любитель заскочи. В Доме торговли тридцать двойки не было, в Любители лежала.

– Что ещё в городе взять?

– Сберкассу! Тебя жена пока не отпустила, а ты в поход собрался.

– Если попытаюсь взять сберкассу, то придется меня отпустить лет так на десять!

– Ну, это смотря как брать будишь, а то могут и лоб зелёной помазать!

– Как будто Тимоха сам не знаешь. Отпустит, скажу в лес иду, и на этом разговор закончится.

– Я-то знаю, вот только какого чёрта ты мне мозги компостировал? Мясца, решался, не ссы куда ни будь выйдем, не заблудимся. Продукты в Сказке возьмём, сахар берём кусковой, рафинад.

– Не понял, ты что заболел, в каком это магазине ты сахара купить захотел?!

– В обкомовском, у меня пропуск есть, на папоротники дали, как жертве перестройки! У тебя что, дома сахара нет?

– Есть и быстро растворимый есть. Молоко сгущенное брать будим?

– Футы чёрт, а про молоко я и забыл. Пара ящичков на балконе валяется, молока этого сгущенного! Ни кто не ест, зажрались. Ты ещё Андрюха спроси про кофе растворимый с птичьим молоком, берём или нет.

– Банка сгущенки на курке есть, почему и спрашиваю.

– Не по средствам живёшь, не трудовые доходы! Я вот что сразу подумал. Зачем в лес тащить лишний вес? Давай-ка банку молока сейчас схарчим. Мы выиграем, сделав такой ход, будет, легчи идти, минус четыреста грамм. Сейчас баночку сгущенки умнём, возникнет ощу-

щение как будто полпути уже прошли, а потом посмотрим твой курок. Может там вторая банка стоит!

– Одна банка у меня, и тушенку тогда здесь сожрём, вот и весь путь прошли, так выходит?

– Сожрать банку свинины пряной, меня под автоматом не заставишь. Организм запротестится, не примет вторую ложку и первую обратно выкинет. Молоко бери обязательно, продукт нужный. В основном будим рыбку кушать. Тушенку на всякий пожарный возьмём, на НЗ. Супов надо взять пачек по шесть на каждого. А то после ухи на третий день ноги не потянут, придется свинину пряную кушать. Идём то не на Браконьерку.

– Когда поедем, днём?

– На вертомахе полетим. Если до-завтра всё сделаем, а мы должны сделать. Точней ты должен сделать. То поедем десяти часовым, скорым, Тымовским. Ну что, давай палатку, пойду подшаманю, что смогу. Вечером заскочишь, проверим готовность.

– Само собой заскочу и не раз, тушенку тоже забирай.

– Так, значит и говяжья тушёнка у тебя есть. Себе в рюкзачок говяжью бросишь? Тогда и молоко сразу давай, – Тимоха потер ладони.

– Да, себе в рюкзак говяжью брошу, целей будет. А молоко Тимоха я тебе не дам. Я тебе лучше водки на сохранение дам, но только не сгущенку. Водку ты не выпьешь, совесть не позволит. Против молока сгущенного твоя совет не устоит, за сладкое ты и убить можешь.

– Во, давай водки, сколько там у тебя?

– Да пара ящичков, кстати, тоже на балконе стоит, ни кто не пьёт. У тебя молоком зажрались, у меня водкой запились!

– Андрюха, куда мы собрались, какой Фирсово – Чехов, если два ящичка водки в наличии? Нам надо идти на Браконьерку, нет, далеко. Пошли лучше за Орбиту на Первуху.

– За горбольницу ближе или вон, на чердак, совсем рядом. Ты же не пьёшь?

– Пока нету не пью, но если предлагают два ящичка водки. Да куда я денусь? Просто вынужден буду пить. За горбольницей хвостов много. А пьянки на чердаке, могут печально закончиться. Это одно и то же, что у меня в комнате пить. Зрители рядом, значит, будит народное кино. В лесу нет некого, не кому представление показывать.

– Мне помнится, ты на Браконьерке ночью неплохо выступал, перед медведями, все живое в округе перепугал. Ладно, Тимоха, надо в город ехать.

Сосед вручил палатку с двумя банками тушенки свинины пряной. Тимоха поднялся к себе, магнитофон на полную громкость, занялся ремонтом палатки. Умный человек включил бы радио, поймал Сахметео.

Завтра собрался на неделю в лес, а погода до фонаря. Лучше музыку слышать, он любит музыку, есть что послушать. Самая большая фонотека во всём дворе. Имеются два бабинных магнитофона второго класса. Пройдёт еще пару лет, только потом поймёт, что радиоприёмник вещь нужная, очень нужная.

Палатки, которую дал сосед, в субботу исполнится ровно сто лет. Штопать есть где, только ремонт получится косметический. Парниша, чисто по-советски отремонтирует палатку. Есть такое определение, очковтирательство, этим делом занимается вся страна испокон веков. С виду красиво и крепко, а внутри труха. Палатка, скорей всего пролежала зиму непросушенной, брезент в некоторых местах почти прогнил. Так что ставить заплаты, смысла нет, это кропотливая, нудная, долгая работа, к тому же чужая палатка. Какая она зараза тяжелая, палатка старого образца, но уже с днищем, пошита из толстого брезента.

Надо обзаводиться собственной палаткой, а то неудобно становится, супер турист не имеет палатки. Давно бы купил, брезентовую палатку она стоит каких-то шестьдесят рублей. Зачем дерьмо брать? Надо покупать хорошую, нейлоновую, лёгкую палатку, она не гниёт. Зато быстро горит! Если на то пошло, брезентовая тоже не плохо горит.

Так, дела пошли отлично. Тимоха уверен на все сто, что на этот раз выйдет точно в Чехов. Путь объяснил не кто ни будь из бывалых, а охотовед. Напарник не сломается, выдержит, дойдёт, Андрюха проверен. Малость толстоват, на маршруте жира сожжет предостаточно. У него, правда, почти все походы на огороды, на речки: Первуху, Браконьерку, Лютогу. Любит товарищ на природе отдыхать. А кто не любит отдыхать на природе?

В прошлом году в первых числах июня Тимоха в паре с Андрюхой дали стране угля. Пробежали по самому длинному маршруту турбазы Горный воздух. Старт с города Долинска, по дороге перевалили Сусунайский хребет. Вышли на мыс Острый, по восточному побережью на юг до речки Долинки. Затем вышли на родную перевальскую дорогу, перевалили Сусунайский в обратную сторону? в Южно-Сахалинск, домой пришли ночью. Данный маршрут туристы с Горного воздуха проходят за одиннадцать дней. Ребята пробежали за два дня с небольшим.

Тимоха назвал эту гонку двух бешенных псов, «Великий поход Тимохи и Андрюхи». Один пёс толстый, сразу видно домашний. Другой, худей не бывают, бродячий пёс. Великого конечно не чего в бешеном беге не было, расстояние не очень то большое. Ребятам показалось огромное расстояние. Разве это много, пробежать примерно километров сто сорок за два дня? Условия были ужасные. Про экипировку и вспоминать не хочется. Придётся вспомнить. Стоит рассказать об этой пробежке двух туристов любителей. Поход получился гораздо интересней, чем подарок в день рождение.

2

С семьдесят девятого года был наслышан о маршруте с города Долинска по восточному побережью на юг. Насмотрелся на изнеможенных, усталых туристов, бредущих по побережью с севера, к реке Долинке. Наслушался рассказов о красивых местах, о тяжелом пути длиной в одиннадцать дней.

Не мог понять, почему по данному маршруту так долго идут? От Южно-Сахалинска до Долинска по автотрассе сорок два километра. По грунтовым дорогам протяженность маршрута составляет двадцать четыре плюс тридцать семь, итого всего шестьдесят километров. К сорока трём по автотрассе прибавим километров семь не изгибы побережья.

Общая протяжность маршрута примерно сто десять километров, не многим больше. Выходит, туристы идут по десять километров в день? Он за три дня пройдёт этот маршрут. Знающие бывалые туристы сказали, что Тимоха самоуверенный до неприличья, противно слушать его похвальбу. Меньше чем за пять дней данный маршрут не кто, ни когда в жизни не пройдёт, хоть пусть в доску расшибется. Хвастунишке наговорили много неприятного, обидного, ущемили его самолюбие. Его, великого таёжника не то что сравнили со всеми обычными туристами, а ещё и унизили.

Такого, он стерпеть не мог. Нужно доказать этим вшивым туристам, которые в спальниках спят, на тридцать метров от палаток по одному не отходят. Надо доказать, показать, как ходят таежники. Тимоха себя считает опытным таёжником. Что сделаешь, если у него склонность к завышению собственной персоны?!

Восемьдесят шестой год, приблизительно четвёртое июня, а вот что пятница это точно. Два спортсмена в семнадцать ноль-ноль закончили работу, прибежали домой. Схватили уже собранные со вчерашнего вечера рюкзаки, бегом на вокзал, купив по пути хлеба по одной буханке на каждого.

Экипировка классическая, любой турист походник умрёт от зависти. Сказать серьёзно, турист умрёт от горя, если с такой экипировкой попадёт в лес! Палатки нет, спальников нет, не какой сменой обуви. Зачем таскать с собой лишний груз?

Пока что продолжается игра в таёжников, но уже подходит к концу! Сколько можно играть? Через год Тимоха будет говорить совершенно противоположное, насчет спальников, палаток, сменой обуви. Больше не будет называть эти принадлежности лишними вещами. Пока игнорирует спальный мешок. Спать в спальнике, да это же... А что, это же? Что мог нормального сказать о спальном мешке, человек, если ни разу в мешке не спал?

За свою молодую беспутную жизнь пришлось много, очень много ночевать в лесах. В шестнадцатилетнем возрасте, почти два месяца жил на речке Долинке. Ночёвок в верховьях реки Очепухи не счесть. Сколько вещей пожог у костра, тоже не счесть. Короче, спать в спальнике, это не по-нашему, не по-таёжному. Единственный аргумент против спального мешка.

Возле костра спать теплей, веселей. То рукав у куртки загорелся, то брюки задымили, то спину зажгло, как будто огромный горчичник прилепили! Целыми ночами веселишься, развлекаешься. В дровах ребята разбираются от и до, существует всего две категории дров, сухие и сырые. Больше у дров нет отличий. Когда дрова слишком сильно стреляют, да крупными искрами, обвиняют в этом ветер, речку, даже товарища обвиняют, который спит, и дышит на костёр! Потому что, на этого спящего икры не сыплются!

За место спального мешка Андрюха дал Тимохе свою армейскую шинель. Одежда тяжелая, большая, с одной шинели, на кости парниши можно скроить три шинели. Себе сосед взял обыкновенный овчинный полушубок. Тоже хорошо весит, был бы в наличии тулуп, взял бы его, полушубок бы Тимохи отдал. Допустим, брезентовая стандартная двухместная палатка,

спальный мешок, сменная обувь, надувной матрас, весят столько же, сколько один полушубок. Рюкзаки картофельные, так что спальные принадлежности с трудом запихали в эти котомки называемые рюкзаками.

Лучше рюкзаков не видели, кроме геологических, со шнуровкой по бокам. Большой рюкзак, на клапане присутствуют стропа, путёвый рюкзак, но дефицит. Надо каждый день ходить в магазин Старт или в магазин Охота и рыболовство. В областном центре всего две торговых точки, где можно приобрести туристическое снаряжение. Кое-что можно купить в хозяйственных магазинах, то есть в хозтоварах.

По стране идёт пропаганда занятия спортом, туризмом, пить то все бросили, точней не чего пить. Нужно чем-то занять народные массы. А то раньше положенного времени на баррикады полезут! Дальше говорильни дело не сдвинулось не на шаг. В торговых островных точках для занятия спортом и туризмом не когда не было, не чего путного.

В рюкзаки запихали по котелку, немного продуктов, снасти рыбацкие. У каждого по топору. У Тимохи обыкновенный русский топорик, с деревянным топоричем. Этим топорам цены и замены нет. Метал отличный, только само топориче нужно менять. Насадить топориче в два раза длинней, тогда можно рубить всё что угодно. Топорик продаётся в свободной продаже, в любом хозяйственном магазине, и конечно в спортивном магазине Старт. Стоит всего три рубля. А ведь сказал, что топору цены нет! Вещ хорошая, цена есть всему! Буквально два года назад, маленького топорика днем с огнём не найдёшь.

Интересное кино получается, народу пить запретили, и маленькие топоры появились в свободной продаже! Все правильно, русский мужик по пьяному делу частенько хватается за топор. Большой топор в за пазуху не спрячешь, маленький вполне. С маленьким топором в за пазухе можно идти куда угодно, в ресторан, на дискотеку, на собрание!

Теперь скажем про другую аналогичную вещь, то есть про инструмент, ну и лекарство от головы! У Андрюхи топорик круче, охотничий. Его отец в недалеком прошлом был довольно удачным охотником утятником и рыбаком. Топорик охотничий относится к предметам дефицита, лет пять, как исчез из свободной продажи. Партия охотничьих топориков раскупается сразу. Стоит беспутный инструмент четыре рубля, семьдесят пять копеек.

Каждый рыбак, охотник считает должным иметь такой топорик, иначе он не рыбак и не охотник. Инструмент, называемый топориком охотничьим, полностью железный, ручка залита резиной. Искренне пожелание конструкторам, выдумщикам топорика и тем особям кто запустил данную железяку в массовое производство. Вот этим топориком настучать по голове! По двум топорам можно судить об интеллектуальном развитии охотника и рыбака.

Ведь что получается? На прилавках хозяйственных магазинов лежит хороший русский простенький, обычный топорик. Инструментом можно выполнять разные работы, его мало кто покупает, в основном плотники берут. Не котируется топорик в среде охотников и рыбаков, не модный.

А модный железный с резиновой ручкой, который стоит почти в два раза дороже, в два раза тяжелей. Охотничьим топориком серьёзно работать нельзя, можно только веточки мелкие рубить. Топор руки сушит, это не топор, а чёрт знает что, плюс мягкий металл. Всё это ерунда, самое главное, что топорик модный. Тайга не приемлет понятия мода, вещь, должна быть не модной, а практичной.

В сущности, вот и вся так называемая экипировка. Обуты ребята в кеды, в болотных сапогах только на рыбалку ездят. Кроссовки пока что, как вы все догадались, дефицит. До чего социализм развился, зато с дефицитом жить веселей! У двух туристов экстра-класса даже фонарика нет. Зачем фонарик? Они по ночам идти не собираются. Фотоаппарат есть, Смена – 8м, в народе именуемый мыльницей. Фотоаппарат прост, до неприличия, Андрюхина мыльница. Фотографировать придется Тимохе, во дворе он считается спецом по фотоделу. Фотографии нужны обязательно, чтоб были на лицо доказательства о пройденном маршруте.

Хочешь, не хочешь, за два дня, кровь из носу надо пройти маршрут. В понедельник обоим с утра на работу. Данное расстояние за двое суток пройти не возможно, хоть ты тресни, только пробежать. Протяжность маршрута зашкаливает за сто десять километров, сильно зашкаливает. Можно смело прибавить пару, тройку десятков километров, это потом выяснится. Береговая линия окажется не такой ровной, как думал Тимоха. Семь километров взятые на погрешность не ровности береговой линии это очень мало и очень смешно, глупо!

На автостанции родного города автобус идущий на Долинск пришлось брать штурмом. Пятница, конец рабочий недели. Не смотря на то, что на данном маршруте нет, не одного дачного посёлка. Народу, всё равно много, битком. Не следует и на миг забывать, что советский народ живёт в развитом социализме. В стране советов всё для человека. В первую очередь человек. Не следует забывать, что народ в СССР живёт в королевстве лжи и обмана. Как же не забыть, если народ об этом пока не знает? А может, знает и молчит?

Температура воздуха далеко за двадцать градусов. Редко на острове в начале июня стоит жаркая погода. Многие ездили автобусами марки ЛАЗ. Львовский автобусный завод, самый лучший советский автобус. Двигатель у самого лучшего советского, расположен сзади. От движка как от печки, палящие солнышко зависло над Камышовым хребтом. Левый бок автобуса чуть ли не плавится, в салоне жара не выносимая.

Больше часу на одной ноге в тесном пекле, не советский гражданин не выдержит. Товарищам, рождённым в СССР, в этом деле помогает закалка с детских лет. В тесноте да не в обиде. Лучше плохо ехать, чем хорошо топтать. Можно много наговорить на эту тему. Лучше Михаила Жванецкого не скажешь, не получится, потому что он первый сказал – Нас много развелось, а автобусов нормально, хватает, и кроссовок хватает и автомобилей, и кофе растворимо, даже жвачки хватает, для определённого количества людей, нас просто много развелось!

В городе Долинске консервная банка, имеющая перспективу, стать братской могилой разгрузилась. Народ облегченно вздохнул, но не полной грудью. Не большой северный бриз гонит с ЦБЗ аромат, напоминающий запах тухлых яиц! Два туриста стоят в растерянности, стараясь дышать ртом. Причина растерянности не местные ароматы, бывало, нюхали и похуже, до рези в глазах! Не могут сообразить, куда идти. Соображать надо быстро, пошёл восьмой час, скоро ночь наступит.

Надо увидеть башенный кран желтого цвета. Говорят что его видно из автобуса. У них не было такой возможности. Они в автобусе друг друга не видели. Строительные организации треста Сахпромстрой. В городе Долинске начинают строить пятиэтажный девятисто квартирный дом. Пока что делают фундамент, нулевой цикл. Андрюха тоже трудится в данной системе, плотником. Тимоха коробки железобетонные монтирует, сосед в коробках ставит двери, облицовку, прочие деревянные работы производит.

Высмотрели башенный кран, он высокий. Кран оказался не далеко от вокзала, почти рядом. Пришли на стройплощадку, а сторожа как говорится моль почикала. Пропал язык, где-нибудь, водку пьёт скотина. Планировали у сторожа дорогу узнать. Пришлось пытаться прохожих. Язык до Киева доведёт. Ребятам так далеко не надо, и поговорка в наше время не актуальна. Какой бы у тебя не был язык, но в Киев без денег не попадёшь. С деньгами глухонемой до Киева быстренько доберется!

Язык ребят до Остромысовки не доведёт, надежда только на ноги. Нашли правильный путь, вышли на стартовую прямую. На Долинскую, на их перевальскую дорогу. Хребет общий, Сусунайский. Финишная прямая будет на родной перевальской дороге. Надо было вылезать с автобуса на первой остановке, кто знал, и не смогли бы вылезти. По пути следования автобус на остановках брал больше, чем выпускал, народ утрамбовывался. Туристы, оказались зажаты в центре консервной банки.

Побежали по Долинской перевальской дороге идущей на Остромысовку. Жарко, солнышко бьёт в затылок. Пришлось по пояс раздеться, головы обмотать футболками. Таёжники, летом не носят головные уборы, на клещей они плюют! Пробежали дачный посёлок, дорога стала забирать наверх, пошли частые кривуны. Одиннадцать километров до перевела, прошли за два часа. Тимоха взял отсчёт времени, как только вылезли с консервной банки.

Солнышко спряталось за Камышовым хребтом, ребята спрятались за Сусунайским хребтом, пока светло, они споро наворачивают вниз по дороге. Хорошо видно Охотское море. Два самоуверенных таёжника решили, что ночевать будут на море. Можно будет немного пройти в потёмках, на море вылезут обязательно. Через час стемнело так, что хоть глаз коли. Совершенно нечего невидно, густая темень.

Таёжники не берут в лес фонарики. Они должны видеть в темноте, что кошки, должны, но не обязаны. Не черта не видно, ночь подкралась неожиданно, хлоп и накрыла. Да потому что тянули до последнего, вот и допрыгались, даже костер не в состоянии развести. Ещё не много, ещё чуть-чуть и будет море, шиш вам, а не море.

В сущности, костёр не нужен, но не мешало бы на ночь чайку испить. Не помрут без вечернего чая. Пришлось подать там, где стали, у обочины дороги. Шинель бросили на землю, рюкзаки под голову, тулупом укрылись. Не знали ребяташки, что для таёжника чай это свято, можно сказать ритуал. Можно не ужинать, чая испить на сон грядущий надо обязательно. Спать на ложе именуемым дорожной обочиной жестковато, однако. Всю ночь из-под себя швыряли булыжники. Тепло было под полушубком.

Утром посмотрели на место своей лёжки, не каждый йог смог бы устроиться на таком ложе. Ребята спали довольно не плохо, подумаешь, малость пошвырялись булыжниками. Утро свеженькое, зелёнка у обочины дороги мокрая, обильная росса. Погодка сегодня будет отличная. Хорошо, что мороз не ударил. На Сусунайском хребте в середине июня заморозки не редкость. Температура немногим больше нуля. Андрюха надел полушубок, Тимоха в его шинели чуть не утонул. Вот это пугало для медведей! Сосед, глядя, на соседа рассмеялся.

Прямо на дороге развели огонь, попили чая, слегка перекусили. Солнышко вот оно, поднимается, в Сусунайской долине пока не видно солнышка, ребята уже видят. Спальные принадлежности запахали в рюкзаки, продолжился прерванный бег двух бешеных псов. Марафоном это не назовёшь, данное расстояние, минимум в три раза превышает марафонское расстояние. Больно свежо, тёплых вещей можно сказать нет. Запасные брюки на случай встречи с косолапым, олимпийки, которые одеты, поверх футболок. На этом всё, не каких шапочек, свитеров, турпоход в облегчённом варианте. Авось проскочат по легкому!

Вышли к повороту на Остромысовку. По лоции Охотского моря мыс Острый, в шторм представляющий опасность для судов, потому что сильно выдаётся с береговой линии. Камни от скалы мыса Острога на сотни метров разбросаны в море. Боле менее накатанная дорога повернула на восток к самому мысу. Видно большой рубленный дом, постройки в виде сараев. Здесь с незапамятных времён стоит стационарный рыбацкий стан. Побежали по мало езженной дороге, идущей на юг. Дорога идёт верхами, море слева внизу. Солнышко стало пригревать, жарко сегодня будет.

Прошли по дороге минут сорок. Впереди внизу устье реки. Не маленькая речка, это, наверное, устье Бахуры. В полсотни метров от устья на правом берегу стоит большая будка, сети сушатся, здесь тоже рыбаки обосновались. Дорога круто повернула на право, на запад, пошла вниз, в большую пойму. Подошли к сломанному мосту, пешком по мосту пройти можно. Возле моста переговорили с молодым рыбаком. Парень рассказал, что в полу километре выше моста, по левому берегу Бахуры стоит балок. Там можно жить, матрасы, посуда, короче, всё есть.

Дело в том, что у туристов небольшая проблемка с посудой, одна кружка на двоих. Тимоха забыл взять кружку. Река Бахура, вот так тихо, безлюдно доживает последние дни. Через год здесь уже будет стоять примитивный дом отдыха Долинского ЦБЗ. Барак на пять жилых комнат. Дальше больше, выстроят стационарный рыбацкий стан. Рыбозавод по разведению горбуши. Речку Бахуру будут методично, планомерно выбивать. Снизу на устье официальные браконьеры, сверху огромная банда браконьеров с посёлка Сокол и не только с посёлка.

Нашли балок. А что его искать? Прошли по пробитой колее в молодой зелёнке, до упора. Большой строительный вагончик, река в десяти метрах. Балок под гвоздиковым замком. Тимоха не стал хулиганить, две минутки поковырялся согнутым гвоздём, открыл замок. Поэтому навесные замки такой системы называют в народе гвоздиковыми.

Если хулиганить, замок открывается за одну секунду. У парниши опыт имеется с одного удара топором крушить гвоздиковые замки. Надо точно ударить в одно место, можно в пол силы, замок восстановлению не подлежит.

Парниша не может понять людей, которые повесели на балок замок. Не вешаются замки на жилые помещения в глухих местах. Это всё равно, что на зимовье замок повесить. Всего на всего привычка? Нет, всего на всего тупость человеческая. Два бешенных туриста открыли замок. Пришел бы другой, не имеющий таких навыков как у Тимохи. Без топора, да в дождь, он бы окно разбил и был бы прав в своих действиях.

В балке хорошо, печка, двух ярусные нары, гора матрасов, подушек, одеял, большой стол. Бардак ужасный, грязня посуда, кругом валяются хлебные корки. Люди попадают в лес, в большинстве случаев превращаются в свиней, потому что они по жизни свиньи. В цивилизации держатся, стараются не показывать свою свинскую суть. Вот где надо было ночевать, вчера не дотянули пару часов. Возле балка нашли пяток червей, наловили подкаменки.

Вначале июня в пол километре от устья на червя не наловишь не какой другой рыбы. Скоро подкаменка прекратит клевать, потому что пойдёт в верховья речки. На тампон такая же песня. Сима на тампоны хватает редко, для кунджи рано. Голец в это время предпочитает коро-еда. Мальма в огромных количествах уже проскочила в средние течение. Тимоха так думает, он не рыбак, не когда им не был и не будет. Закрыл замок, прихватив в балке эмалированную чайную кружку. Посудина погуляет с ним по тайге, лет пять.

Ушли за мост на правый берег. На поляне развели костёр, ушицы сварили с чищеной рыбы. В сторону балка пошел УАЗ-469, вовремя убралась. На Бахуре весна только начинается. Лопух поднялся сантиметров на двадцать. В Тёплой долине возле города Долинска, лопух уже по грудь. Не зря распадок, по которому бежит речка Излучная, называется Тёплой долиной. В пригороде областного центра зелёнка тоже высокая. Покушали ушицы, как только эту трапезу назвать? Не то поздним завтраком, не то раним обедом. Часок отдохнули, принимая солнечные ванны, жара набирает обороты.

Побежали дальше на юг. Дорога снова залезла наверх. Часа полтора пробежали по ужасной дороге. Много больших луж, на ручьях мостики разрушены вешними водами, для пешего хода нормально. Свежебитая, широкая дорога пошла круто в гору на запад. Дорога совершенно новая не езданная, значить, не далеко пробита, видать только начали и бросили.

Дальше на юг пошла широкая хорошая тропа. У начала тропы на двух столбах маячит большой щит, предупреждающего содержания. «Река Анна памятник природы, охраняется законом. Валка леса, сбор дикоросов, разбивка бивуаков – запрещена. Сахалинский облисполком». Примерно такого содержания текст на щите.

Из всех речек восточной стороны Сусунайского хребта только Анна не тронута. Видно в те года, когда шёл массовый сенокос леса, скажем лесокос. Правда, слова такого нет, а дело такое было! На реке Анне скорей всего стоял молоденький ельник. Наверное, в начале века погорела речка. Как только ельник подрос, Долинский ЦБЗ наострил на Анну лыжи, точней цепи бензопил наострил. Хотя зачем ЦБЗ пихта и елка. Целлулоиду варят из лиственницы. Кажется, ЦБЗ и бумагу изготавливал. Дорогу проббили, решили лес выкосить.

Общественность стала на защиту речки, как Тимохи рассказывали. С годами он поумнел, понял, что общественность здесь совершенно не причём, советские власти плевали на всякую общественность. Речку отстоял охотник промысловик, который больше тридцати лет промыслял на Анне. Сумел надавить на нужные рычаги. Скорей всего у охотника в Москве были люди знакомые в высоких рангах.

Парниша в этом году узнает, что ЦБЗ и бумагу делает. В данное время он не смог расшифровать аббревиатуру ЦБЗ, ума не хватало! Ясно дело, что целлулоидно-бумажный завод, помимо целлулоиды делает бумагу!

Прошли по тропе километра полтора, впереди устье реки Анны. Тропа пошла круто вниз, сразу брод. На правом берегу большой песчаный пятак, на южном крае, прямо у моря узкая гряда скал, огромных камней, которые торчат стоймя, как зубы, изрядно поврежденные кариесом, красивое место! Да уж, место может и красивое, но сравнение с кариесом, короче бес слов!

Допустим, восхищаясь красотой природы, часто говорят – ужасно красивое место или страшно красивое место, и не чего, нормально. Все понимают, что говорится, жуть о каком красивом месте! По сравнению с ужасно, с жутью, со страшно, кариес как то меркнет! Ведь он кариес, не так ужасен и страшён, как это красивое место!

На песке стоит две палатки. Туристы знали, что здесь будет стоять именно две палатки, а не три! Эти люди подтвердят, что Тимоха с Андрюхой здесь были. Ребята работают с Андрюхой в одной бригаде, плотники, короче, свидетели. Попили чайку.

Тимоха поработал мыльницей, на фотоаппарате ставишь всё на глаз, диафрагму, выдержку, резкость. Фотографии получатся средней паршивости, не когда не работал такой моделью. Долго на Анне не задерживались, рванули дальше. Плотникам, которые стоят на устье легче, они завтра к назначенному времени придут на Бахуру, оттуда уедут на машине.

По тропе бежали около трёх часов. Тропинка, бывшая дорога, ныряет в глубокие распадки. Уходит от моря, километра на полтора. Наконец вышли на речку покрупней Анны. Река Симау, по карте просто Сима. Поразило само устье реки. На прибойной полосе стоят две отдельные каменные горки, их можно скалами назвать. Между скал Симау впадает в море. Восточная сторона скал омывается морем. Мыс Симау тоже выделяется с береговой полосы, на то он и мыс! Каменная гряда юней устья уходит в море метров на пятьдесят. Добрались по камням до восточной точки, так, просто посмотреть. Глубоко здесь, вода темно-зеленого цвета с сильным бирюзовым оттенком. Иногда в толще воды мелькает большая рыба, размерами с горбушу. Вот бы её схарчить!

От Симау тропа снова ушла на запад, снова ушла от моря на приличное расстояние. Маханули один ну очень большой, глубокий распадок. Пора становится на ночь. Дошли до второго большого распадка, по которому бежит крупный ключ, его можно назвать, маленькой речкой. Сразу от тропы на восток, ключ полетел вниз сломя голову, грохоча на всю округу.

С западной стороны тропы, сверху бежит тихая, спокойная речушка. В полсотни метров вверх от тропы на правом берегу старое пепелище. Валяется сгнившая печка, остатки от керо-

синовой лампы, из золы торчит посуда, прочая утварь. Зимовье сгорело, зеленка не успела прикрыть пожарище. Пожарище старое, зелёнка здесь только полезла.

Расположились рядом с пепелищем. Кстати, вот так как идут два бешенных туриста или правильной будет два спортсмена, выгодно ходить. Ненужно разбивать, сворачивать не какие бивуаки. Голому одеться, только подпоясаться! Надо рыбки на уху надёргать, рыбку в речке видно. Быстренько соорудили удочки, преступили к рыбалки.

Выяснилось, что в ключе мелкой мальмы, что грязи. С одной ямы прямо с тропы надёргали на хорошую уху. Мальма темная, с брюшками окрашенными в ярко красный цвет. Уху варить не долго, кушали при свете костра. С сушняком здесь туго. На этой ночёвки Тимоха понял, что нельзя становиться на ночь рядом с чем-то подобным. С разваленными или сгоревшими избушками. Что нельзя становиться на ночь на больших туристических стоянках, он с детства знал.

Причина одна общая, далеко ходить за дровами. Здесь изба может, лет двадцать стояла, весь сушняк вблизи выбран. На ночь забросили в костёр сырые корневища, вырванные с берега ручья, также с воды набрали дров. Место опасное, это не речка Браконьерка. По тропе больно много медвежьих визиток, всю тропу обгадили.

Ребята думали, что косолапые по лесу блудят в основном по ночам. Хотя Тимоха встречал медведей только днём. Во всех рассказах, медведь обычно ночью приходит к туристам. Чем дальше от Симау на юг, тем визитки стали попадаться чаще. Спали как убитые, грохочущий внизу ручей на сон не повлиял, медведи не беспокоили. Вымотались за прошедший день капитально. Ночка, а также и утро на много теплей предыдущего.

С утра пришлось понервничать, всё ждали, когда косолапый выскочит из-за дерева. И скажет, ну что попались! Медведь начнёт ребят ругать, мол, какого чёрта здесь шарахаетесь без нужного туристического снаряжения, без сгущенного молока! Пошли по участку тропы заросшей лопухом. Зелёнка в рост, та которая стоит, множество лопуха лежит, зеленка смята, растоптана, вымазана в чёрной грязи. Внизу слегка подсохшая грязь, вся в разнокалиберных медвежьих следах. Много махоньких, мелких отпечатков медвежьих лапок. Есть такие следы, что жуть берёт.

Короче, здесь медведь ходит размерами с музейный экспонат, который находится на втором этаже областного краеведческого музея. Чучел медведя в музее больше положенного. Медведи не большие, скажем стандартные, как в цирке. На втором этаже музея, где стена имитирует морскую скалу, на которой ютятся чучела гагар. Под скалой лежит десяток котиков. По левую руку от скалы стоит огромное чучело бурого медведя, полтора метра в холке!

Андрюха своими кедами сорок третьего размера стал в подошву следа, как раз. Если закрыть полностью след, пальцы с отпечатками когтей. То, наверное, нужен пятьдесят пятый размер обуви. Здоровенный зверюга! Вот это ребята попали в медвежий рассадник. Впервые Тимоха встретил такое скопление медвежьих следов в одном месте. Группа медведей, банда косолапая здесь живёт. Тут точно пачка медведей.

Через четыре года парниша в этом районе наткнется на медвежью купалку. Именно на этом участке тропы будет то же самое. Любят косолапые данное место. Здесь, какой-то микроклимат, пока что нигде больше нет высокого, полтораметрового, мощного лопуха, не успел ещё лопух вытянуться до таких размеров, даже в Тёплой долине лопух на много меньше.

Вскорости упали вниз на прибрежную полосу, тропа закончилась. Хоть нервишки успокоились, зато по песку стало тяжелей идти. Погода портится. Море не синие, каким было вчера с утра. Грязное, что горная речка с вешней водой. Хватит жары. На Сахалине в это время года обычно дожди льют.

К реке Жуковке подошли в десять часов утра. Они не знали название речки. Хотя семь лет назад Тимоха здесь был, даже костерок жёг, чай гонял. Не был уверен, что эта речка именно Жуковка.

В полсотни метров от устья на правом берегу стоит автомобиль ГАЗ-66. В пойме поставлены две палатки, костер горит. Человек десять отдыхающих. Судя по особям, два выводка. Какая пошлость! Две супружеские пары с ребятами. Туристы тоже так сначала подумали. Потом оказалось что два выводка человекообразных. Обыкновенные семейные и не семейные люди так не поступают. Как поступили по отношению к двум туристам взрослые особи человекообразных, при этом показав пример своим детям.

Два бешенных туриста подошли к костру, поздоровались. Узнали, как речка называется. Отдыхающие под вечер собираются ехать в город. Одна дама сказала, что могут их взять, машина большая, грузовик, всем места хватит. Тимоха с Андрюхой не против приглашения прокатится до города на ГАЗ-66. Чувствуется усталость, основной путь прошли.

Договорились, что в шестнадцать ноль-ноль их подберут на устье Вознесенки, на следующей речке. Зачем мешать людям, отдыхать? Близкое присутствие чужих людей сковывает, особенно детей. Ребята поступили, как положено воспитанным молодым людям, хотя за таких они себя не считают, но в грязь лицом не упадут. Пусть люди отдыхают, как и отдыхали.

Довольные до неприличия, прошли четыре с половиной километра по сносной дороге. Добрались до речки Вознесенки, пошли знакомые места, для Тимохи, здесь он бывал не единожды. Для Андрюхи знакомые места начнутся с Долинки. Расположились на левом берегу. В полторы сотни метров от устья, начинается голая сопка. Речка в трёх метрах от начала склона. Спрятались от свежего северо-восточного ветра. На правом берегу терраса не плохая, в воду лезть не хочется, смысл? На машине речку форсируют.

Вчера была жара, сегодня холодно, пасмурно. Хоть бери, да надевай на себя спальные принадлежности. Сделали иначе, завели огонь. Пять часов ждать, не чего не бывает хуже как ждать и догонять. Попытались, было рыбачить, рыба объявила бойкот, не одной поклёвки.

Сварили вермишели, туда банку тушенки. Сдуру переборщили, получился полный пяти литровый котелок, полведра. Куда столько, медведям что ли? Коротали время, сидя у костра, временами предпринимая попытки всё-таки съесть вермишель. Самих макаронных изделий именуемых вермишелью не жалко. Банку тушенки жалко, говядина тушенная на дороге не валяется. Пол котелка пришлось в речку вывалить, пусть эта рыба подавится, а медведям шиш!

К четырём часам были готовы, как говорится, были начеку. Газ-66 появился неожиданно. Только услышали шум двигателя и вот он автомобиль показался, к речки пошел. Костер горел в метрах в тридцати западней брода, там неплохое укрытие от ветра. Ребята замахали руками, засвистели, грузовик остановился. Схватили рюкзаки, бегом к машине, дождались на конец-то. Оставалось каких-то пять метров, когда грузовик резко дав по газам сорвался с места. Резво переехал речку, на повышенных оборотах полез по песку на юг, на Долинку.

Два туриста встали как оплётанные. Почему как? В душу не только наплевали, но и нагадили по-крупному. Чем дальше идёшь по жизни, тем эта жизнь заставляет всё больше и больше убеждаться, что человек человеку не брат, а скорее волк. И не когда братом не был, это всё совковое, религиозное очковирательство. Им так хотелось, до сих пор хочется, но такого не когда не было и не будет. В понятие, о вере в человеческое братство, особую роль играют эмоции. В данном случаи у ребят все люди волки.

Ехали бы они в кузове долбанного шестьдесят шестого, то были бы все люди братья. Это только эмоции каждого индивидуума. В реальности нет плохих и хороших людей. Все люди братья, такая же утопия как коммунизм. А вот все люди волки, собирающиеся в стаи по своим

взглядам, убеждениям это не утопия. Натуральные волки, то есть звери в своих стаях редко рвут друг друга. Люди в своих стаях гораздо чаще рвут друг друга.

Как только не ругали человекообразных с их грузовиком. Матами горю не поможешь. Вся надежда на уже довольно уставшие ноги, надежда только на себя. Потеряли пять часов времени. Сидели, грелись у костра, убивали время. Уже бы дошли до пионерского лагеря Зарница. По Вознесенской тропе ребята пока что не ходили, естественно по сопкам путь короче. Кто пойдёт даже по знакомой тропе на ночь, глядя, не имея фонарика?

По дороге хоть какая-то будет надежда на попутку. Только что нагадил в душу целый коллектив, снова надеются на людей, на попутку. Хочется верить, что все люди братья, даже после такого сволочного поступка. Когда были бы все люди братья, жить было бы легко, от этой легкости, жизнь стала бы не интересной, приторной.

С матами, с проклятиями пошли следом за шестьдесят шестым. Долго грузовик глаза мозолил, пока не скрылся за мысом перед устьем Долинки. Просили все высшие силы, какие есть, чтоб они, силы эти перевернули вездеход, желательно на большой скорости. В кузове ребяташки, они не виноваты, не жалко детей? Не капельки, какие родители, такие дети вырастут. Да чтоб на ходу все четыре колеса отвалились.

Остановкой перед бродом, водитель шестьдесят шестого вдобавок ко всему, ещё поиздевался над туристами. Такие сволочные водители встречаются в городских автобусах. Автобус стоит на остановке ждёт бегущего человека не зависимо от возраста, от пола, будь то бабушка или мальчик маленький. В союзе все за автобусами бегают, потому что их мало, людей много.

Так вот, человеку остаётся до автобуса каких-то, два метра, водитель закрывает двери, с ухмылкой на лице трогает автобус с места. Лично Тимоха много раз был жертвой и свидетелем мерзкой ухмылки, на лице водителя автобуса. Почти каждый хоть раз в жизни попадал в аналогичную ситуацию.

От Вознесенки до Долинки семь километров месили песок, самый тяжелый участок пути на всём протяжении маршрута. Песок сыпучий, на прибойной полосе плохо держит, накат сильный, нет сил, бегать от волн морских. Попадают участки с выброшенными водорослями, присыпанные песком, на этих подарках вязнешь чуть ли не по колено.

Доползли до речки Долинка. Пошли по раздолбанной дороге идущей по полям на запад. Больше не будут двигаться на юг, зато на север, в обратную сторону придётся сделать, минимум десяточку километров. На полях большая стая мелковатых крупнорогатых. У крупнорогатых, рога совсем не крупные.

Тимоха издали определил, что молодняк пасется, тёлочки. Пропала последняя надежда, были бы коровы. Ну, и на коровах бы поехали, так что ли?! Молодняк, значит, не выдержит?! Парнишу бы выдержал, Андрюхе пришлось бы часто менять рогатых боливаров! До города, под ним пало бы всё стадо!

Нет, не так, они не собирались ехать, на коровах, кто бы им позволил. Если бы на тырловке пасли коров, транспорт бы чаще ходил. Вечером бы на посёлок Чапаево пошёл молоковоз. Когда пасутся телята, сюда могут неделями не приезжать.

В восемьдесят шестом году на совхозные стада никто не нападал, даже в мыслях такого не было. В начале девяностых начнется, телят будут вынуждены пасти вблизи посёлков. На Долинке, последний год пасут молодняк.

В восемь часов вечера два заморенных туриста, уже давно не бешенных. Сидели, курили на родной перевальской дороге. Можно сказать, вышли на финишную прямую, длиной в каких-то тридцать километров! Ерунда! Здесь теплей, от моря удалились почти на десять километров. Небольшой хребет перекрывает путь свежему ветру. Через три часа станет совершенно темно, им ещё пилить и пилить.

Ноги идти не хотят, что у старой телеги ржавые колёса. Встаёшь с перекура, тихонько трогаешься вперёд, постепенно увеличивая скорость. Только через сотню метров разгоняешься до относительно нормальной скорости. Пока что остался порох в пороховницах. За два часа преодолели двенадцать километров, лагерь Зарницу оставили позади.

Сидят товарищи соседи под мостом через крупный приток речки Очепухи, курят. Зачем под мост забралась? Дождик лупит, увеличивая обороты. Как говорится, было хорошо, стало ещё лучше. Вот теперь кажется, сломались. Впереди восемнадцать километров. Дальше ели поплелись, дождь сыграл как отрицательный психологический фактор, добил, сломал окончательно. Плюс темнеет, дорога в гору пошла, на перевал полезла.

К перевалу подходили, точней подбирались, подкрадывались, по приборам. Темень, как в первую ночь, не переставая сыплет сильный дождь. Андрюха в полушубке, Тимоха в шинели. Ко всем прочим удовольствиям, ночной дороги, падающей с неба воды, прибавилось еще одно удовольствие.

Натёрли между ног, трусы намокли вот и итог. Двигаются в раскорячку, задрал головы. Можно подумать, что их одолела жажда, хлебают дождевую воду. Просто наверху видно дорогу. Как это так? А вот так, видят просвет, держат курс по просвету, иначе не как.

Спускались с перевала как две старых черепахи с первой группой инвалидности, зато ни разу не упали. Они уже давно ни кого не ругают, сил на это не осталось. Если бы на пути попался, проклятый ГАЗ-66, силы бы сразу нашлись, не только на маты. Порвали бы всех, колёса бы перегрызли! Об упоминание одним соседом, о грузовике с мерзкими людьми, второй сосед в ответ начинает рычать, короче, озверели!

Если бы не пять часов без толку проведённые на Вознесенке в ожидание трижды проклятого грузовика. Их бы дождь не застал, успели бы по сухому пройти. Кто натирал между ног, знает какая мука идти, казалось бы, с пустяковой травмой. В три часа ночи сидели на постаменте памятника советским воинам, на площади Славы. Кажется, дошли, до дома полкилометра, как это много когда за спиной чуть ли не полторы сотни километров!

На следующий день, как и положено. К восьми утра вышли на работу. Андрюхе легчи, работа не ответственная. Он просто на рабочем месте засыпал с топором в руках. Парнише пришлось тяжелей. Не большая трёх минутная передышка в работе башенного крана, его вырубало. Свисты, крики, удары кувалдой по лапам крана были малоэффективны. Стропальщику раз пять пришлось залазить в скворечник, будить крановщика. Смену отработал благополучно, на стройплощадке не произошло несчастных случаев.

Тимоха доказал на деле, управился за два с половиной дня. Те, кто его унизили, обзавав хвастуном, были в шоке, они не хотели верить, у них не укладывалось в голове. Ведь они ходили в юности по данному маршруту, шли одиннадцать дней. Пришлось поверить. Фотографии на лицо и половина бригады плотников – свидетели.

3

Вечером проверка на готовность. Парниша уже не тот бесшабашный лесовик именуемый себя таёжником, каким был год назад. Спальник у него собственный, не чего, нормально. Спит в спальнике и почему-то не презирает себя! Как презирал до этого туристов, которые в спальниках спали. Рюкзак у него, правда, чужой. Прекрасный, отличный рюкзак, рамный, такие рюкзаки называют станком, Турист-2.

Провели всё до последней мелочи, чтоб всё нужное было под рукой. Фотоаппарат взял у будущего родственника, Зенит-ЕТ. Неплохая машинка, резкость наводится через объектив, встроен экспонометр. Андрюха купил нужной фотоплёнки, какую заказывал. Четыре штуки на тридцать две светочувствительных единицы, две на шестьдесят пять единиц. Тимоха всю плёнку зарядил в кассеты.

Заглянула на стартовый огонёк Андрюхина жена Ольга. Посмотрела на сборы, предупредила парнишу, что он головой отвечает за её мужа, что бы ни вздумал медведям скормить. Пройдёт совсем немного времени, Ольга пожалеет о этом предупреждении. Ей надо было просить Тимоху, чтоб сделал все возможное и даже не возможное, лишь бы Андрюха остался в хребтах навечно!

Жизнь, она такая штука. Сегодня любят, жить друг без друга не могут, на утро следующего дня смертные враги. Это только в сказках, они всю жизнь прожили в любви и согласии, умерли в один день. Отравились что ли? Собственными лопнувшими желчными пузырями?

Андрюха, в качестве завтрака туриста выглядит аппетитно, толстоват паренёк. Это говорит о том, что у Тимохи страховка с двухсот процентной гарантией. В тайге он будит находится в полнейшей безопасности. Рядом с Андрюхой косолапый его не заметит. Медведя не соблазнишь сушеной корюшкой.

Билеты на поезд взяли с вечера. Лето началось, утром билетов может не быть. Состав маленький, всего четыре вагона. Какой ни будь студенческий строй отряд поедет на север Сахалина и всё. Запланированное мероприятие придется переносить на другой день. Парниша ужас как не любит заниматься такими вещами. Покажите человека, который любит переносить запланированное дело на другой день? Да сколько угодно, больше положенного. Лодырей в самой счастливой стране, где так любят работу, хватает, даже сильный перебор.

Утром на вокзал поехали автобусом. Обычно до вокзала ходят пешком, обычно уезжают из города утренним пяти часовым дизельпоездом. Ночью автобусы не работают даже в Москве. Скажем по-другому, решили силы экономить. Скорый северный экспресс Южно-Сахалинск – Тимовское стоит под порами на первом пути. Загрузились в первый вагон, не каких студентов, хоть занимай по четыре места на одного. Допустим, вечерний поезд, идущий на север, до посёлка Ноглики, будет полный, все четырнадцать вагонов будут битком.

В десять часов утра скорый северный экспресс дал старт, потащился со скоростью гужевой повозки, в которую запряжена больная, старая, хромя лошадь! Как Тимохе не нравится именно вот этот трамвай. Почему не поехали пяти часовым дизель поездом, а сели на эту черепаху? Не может ответить на свой вопрос. Хотя инициатива его, Андрюха на маршруте только присутствует.

Если быть точным и честным, да парниша уже упоминал. Андрюха гарантия его безопасности, медвежья приманка. Зачем соседу об этом знать раньше времени. Может, обидится, вернуться. Где-нибудь на реке Найбе, Тимоха ему скажет. Там-то Андрюхина жизнь будет в его руках, не куда сосед не денется!

Ну что, третья попытка пройти с Фирсова в Чехов можно сказать началась. В час дня мучения связанные с вынужденным трёх часовым бездельем закончились. Покинули скорый

северный экспресс. Погодка улыбается, небо чистое, не слишком жарко. Это здесь у моря веет прохладой, в тайге будет жарко. Хочется, надеется, что хорошая погода продержится всю неделю. Наедятся законом не запрещено.

Ни кто не интересовался прогнозом погоды на предстоящие сутки. Радиостанция Сахметео, честная радиостанция, им верить можно. Зачем ребятам разные прогнозы, они музыку слушали. Не хотели себя расстраивать. Вдруг бы на завтра дождь передали? Пошли бы в ожидание дождя, с подпорченным настроением. Что будит завтра, это будит завтра. Сегодня отличная погода, уже хорошо.

Быстрым шагом стали удаляться от деревни Фирсово. Настроение соответствует погоде. Часть маршрута, основную часть Тимоха знает, как ему казалось. Был, уверни на сто процентов, что знакомый охотовед объяснил всё четко, верно. Охотовед, это вам не какой ни будь любитель утятник.

Откуда у парниши взялась упертая, тупая, детская уверенность, что охотовед не может обмануть? Что охотovedы не вешают лапшу на уши? Всё зависит от человека, какой он по своей сути. А не кем он трудится и чем увлекается. Тимоха, как все, выучен советской школой, пока что мыслит, думает шаблонно, как учили.

Потихоньку стала зарождаться, появляться своя индивидуальная точка зрения на всё окружающие и происходящие. Она ещё махонькая, крохотная, после маршрута подрастёт, дальше начнёт, активно расти, развиваться. Для него в данное время, слово охотовед как космонавт, даже кручи, авторитетней космонавта. Не интересуется космосом, лес, тайга для него свято. Охотовед на прямую связан с лесом.

Знакомый охотовед – космонавт понял, уловил, как он авторитетен в глазах молодого паренька. Решил выглядеть ещё авторитетней, круче. Это свойственно любому человеку. Один старается выглядеть авторитетом в глазах другого делами, своими знаниями. Другой действует по старой партийной школе. Зарабатывает авторитет ложью, обманом, кстати, не думая о последствиях.

Знакомый охотовед приписал себе то, что ни разу не видел, только слышал краем уха. Мол, вот я какой, прошел по всему Сахалину, везде был, но многое чего забыл. Естественно, человек в годах, в Тимохины двадцать четыре года человек старше на двадцать лет считался почти стариком, у стариков с памятью худо.

Пьяницей, трепологом, оказался охотовед, к тому же скользким, человеком не чистым на руку. Путь через хребет Шренка он указал правильно. Но по реке Корицы охотовед поднимался только до устья речки Ломоносовки, он не строил зимовье своему начальнику. Про верховья Найбы и говорить нечего, некогда он там не был. Только слышал, работает-то в госпромхозе, к тому же у охотников принимает пушнину. Парниша еще не раз будит вспоминать алкаша с дипломом охотоведа, с бабьим языком.

Шёл довольный, уверенный. На перевал Охотничий попадут как по нотам, ориентиры конкретные. С перевала вниз по речки Чеховке иди да иди. Маршрут еще не начинался, когда сделал грубейшую ошибку. Как же без этого? Вдруг всё гладко пройдёт? Тогда турпоход получится на троечку.

Когда что ни будь, проходит гладко, это что ни будь, слабо запоминается! Один из национальных видов спорта, любыми путями усложнять себе жизнь, при этом избегать крупных проблем! Слабо? Так что ошибку надо делать загодя. На старте быть уверенным, что пройти по маршруту гладко, не получится.

У двух туристов бугров на пути хватит без всяких ошибок. Впереди два хребта, Шренка и Камышовый. Вот это бугры, так бугры. Заблаговременно сделанная ошибка на прямую связана с Минздравом СССР. Что с дураком делать? Слушает, верит первому встречному, то слушает охотоведа пьяницу, то Минздрав который всё предупреждает, что курение опасно для их здоровья. Тимоха решил в лесу курить бросить. Логика проста, проще пареной репы. В тайге курить взять негде.

Андрюха Минздраву давно поверил, почему и толстый такой. Парниша тоже хочет быть толстым, но при этом быстро убегать. Его не только медведи не замечают, игнорируют, так же женский пол его не замечает. Не любят девки худых. Никто худых не любит. Вот только почему? Допустим, у него жизненной энергии будет много на троих крупных мужиков, отсюда темперамент соответствующий, проверено на редких практических занятиях.

За шесть дней потреплет нервы себе и Андрюхи. Временами будут нестись по тайге как угорелые. Ему будит всё равно, куда выйдут, хоть на побережье Чукотки! Лишь бы на том побережье стояла табачная лавка, и курить, курить, чтоб дым с ушей повалил и ещё с одного места. Больше не станет слушать предупреждения Минздрава. Почему Минздрав так беспокоится за чужую жизнь? Как будто кроме курева, человеческой жизни больше не чего не угрожает.

Нет, Тимоха не призывает взяться за сигарету всем поголовно. Хорошо понимает, что курево, это вредно. Также понимает, что курево не дурная привычка, как допустим алкоголизм. Курево это болезнь, курящий человек наркозависимый. Любой наркотик вреден, убивает человека медленно, но уверенно идёт к своей цели.

Почему на дверках автомобилей не написано, Минздрав СССР предупреждает, что поездка на автомобиле опасна для жизни? На автомобиле гораздо быстрее растяся с жизнью. Сколько калек после автокатастроф? В стране, да во всём мире, автомобиль убивает народу гораздо больше чем табак.

Мол, автомобиль средство передвижения, табака зависимость организма, не приносящая не какой пользы. В советской стране автомобиль роскошь, можно обойтись без личного транспорта, можно не курить. Опять же не состыковка получается. Человеку, который не курит, купить автомобиль намного легче? Нет. На много легче купить автомобиль человеку, который ворует! Курит он, не курит, разницы нет!

Прошли поля, подошли к мостовым быкам, вскоре и Плачущую скалу оставили позади. Дальше Тимохе стыдно за себя. Какого чёрта его понесло на сопку по обходной тропе, прижим обходить? Совсем головой не хочет думать. Если бы у быков устроили перекур, никотин бы заставил работать нужные извилины. В гору бы не полезли и Плачущую обошли бы правым берегом. Товарищи соседи идут в кроссовках, вода упала, светлая, по сравнению с маем месяцем, река в пять раз меньше. У парниши есть покурить, четыре сигареты Феникс, производства болгар табак, решил, экономить.

Можно подумать, что четыре сигареты растянет на неделю. Зато наверху полюбовались панорамой, сфотографировались. Кругом всё в зелени, шума реки наверху не слышно. Теперь река сверху выглядит голубой змейкой, длинного острова нет, как будто и не было. Река прижимается к правому берегу. Когда были на полпути к вершине, до ведущего дошло. Зачем полезли на эту огромную гору? Было уже поздно. Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт. Вывод отсюда однозначный. Андрюха полностью положился на своего соседа.

Рисковый парень, чуть ли не камикадзе. Отдать на неделю свою жизнь в такие беспутные руки, да с больной головой! Ведь Андрюха прекрасно знает своего соседа, почти двадцать лет ребята рядом живут. Медведь гораздо безопасней, зверь тебя увидел, быстренько смылся с глаз долой. Тот, в чьих руках твоя судьба на целую неделю, может за один день завести туда, откуда не возвращаются!

Андрюхе легчи идти, психологически, он идёт, о последствиях не думает. Если серьёзно, то так оно и есть. Сосед не думает куда идти, где лучше пройти, он идёт по следу. Физически ему намного тяжелей, лишняя масса тела, не каких тренировок. Тимоха идёт легко, можно сказать парит в воздухе, но ему приходится работать мозгами, маршрут прокладывать. Пока мозги не чего путного не наработали, вон на какую гору занесло! Всего на всего шёл на автопилоте по майскому проложенному курсу. Надо отключатся от автопилота, рулить самому, а то пройдут нужную развилку.

Спустились на Корицу, вода нормальная, поискали тропу на правом берегу. Нет тропы или не нашли. Надо выбирать удобный путь. Зелёнка в поймах вымахала в рост и выше. В данном случае самый оптимальный вариант идти по руслу реки. Потянули по реке, иногда проходя по прижимам, иногда вброд на другой берег.

До второго притока шли довольно долго. Водичка в речки Ломоносовке чистая, прозрачная, не то, что в мае, гольная глина. Уселись на очередной перекур. Скажем на привал, Тимоха решил пока не курить, осталось две сигаретки.

– Так, Андрюха, здесь заворачивать будим. По всем приметам это Ломоносовка, наверное. Нет, сто процентов Ломоносовка, второй приток.

– Где будем, на ночь становится, на зимовье? Ты точно уверен, что именно это приток нам нужен?

– До избы Андрюха не известно сколько, её ещё найти надо. Охотовед как-то не определённо объяснил, вскользь. Этот приток будим считать Ломоносовкой. Если найдём избу, значит, эта речка Ломоносовка и мы на правильном пути.

– А если не найдём избу?

– Значит это не Ломоносовка или избу не нашли. Нету здесь указателей, названий притоков. Когда-то были, но пьяные косолапые сорвали все указатели. Они ведь тоже русскими стали, с людей пример взяли. На перевальской дороге километровые столбики и те сокрушили.

– Ну, это пьяные туристы сделали.

– Андрюха, запомни, пьяных туристов не бывает, пьяные походники огородники другое дело.

– Скоро, наверное, на ночь становится надо, ты как думаешь?

– Думаю Андрюха, что дело труба, точнее дело табак. Надо было курево брать.

– И что теперь, обратно пойдём?

– Да брось ты, не надейся. На этот раз не будет обратной дороги. Только вперёд. Вся надежда на избу. Это Ломоносовка, ошибки быть не может, второй правый приток Корицы. Давай немного поднимемся, да будем, на ночь становится, на сегодня хватит. Вон гляди, какой крупняк стоит, – показал рукой на первую яму. Точней, на последнюю яму в речки Ломоносовки. В яме стоит десятка три довольно крупной мальмы.

– Крупная рыбка. С чего ты взял, что я надеюсь обратно пойти?

– Идём то фактически наобум. Ты надеешься на меня. А мне на кого наедятся? Мне в душу только сейчас закрались сомнения. Почему охотовед не сказал где точно изба, сколько времени до неё идти? Даже приблизительно не сказал, сколько времени идти до избы.

– Я твоего знакомого охотоведа не видел, и сказать не чего не могу.

– Вот послушай, как он рассказывал. Их забросили вертолётном в мае месяце, они срубали избу, спустились вниз, больше он здесь не был. Потом когда я брал талон на папоротник, Семёнч сказал, что он по этой речке переваливал хребет Шренка. Это одна не состыковка в его рассказах. Есть вторая не состыковка, он не помнит, даже примерно где они в мае месяце форсировали Корицу. А такое, извини, не забывается. В мае месяце, Корица ужасная!

Тимоха был полным профаном в промысловой охоте, иначе бы нашел третью не состыковку в лживом рассказе охотоведа. Самую главную лож, в середине мая лес тяжело шкурить,

в это время года госпромхоз не когда не фрахтовал вертолёт. Никто в мае месяце не рубит избушки из свежего леса!

– Ты Тимоха у нас таёжник старый, не заблудимся, куда-нибудь, да вылезем. Так ты думаешь, что охотовед не правду сказал, обманул?

– Нет, ты что. Но в его рассказах нет, не какой связки, я только сейчас стал это понимать.

– Может рассказчик такой, есть люди, которые пару слов связать не могут?

– Андрюха, тот охотовед миллион слов за минуту свяжет и завяжет. Говоришь, обманул? Нет, такого быть не может, а если это так, то это не обман, это что-то хуже, подлее, сволочнее простого обмана. Не может такого быть. Ладно, что гадать, да версии разные выдвигать, поживём, увидим. А заблудиться Андрюха можно в сказках и книжках, вместе с автором. Степняк не когда в степи не заблудится, а араб в пустыни. Чтоб заблудиться на Сахалине, надо быть супер туристом. У меня к тому же карта перед глазами стоит.

– Но ведь блудят у нас, да ещё как блудят. Ты что, карту выучил?

– Блудят дураки, которым только в парке гулять, они не туда полезли, тайга это не их, вот и блудят. Карту, зачем учить? Разок внимательно рассмотрел и всё. В сущности там особо интересного нечего нет. Корица на карте без единого притока, также Чеховка, на Найбе обозначен единственный приток Большой Такой. Была бы подробная карта, её-то я бы выучил как отче наш. Что мне надо запоминаю мгновенно.

Пошли по второму крупному правому притоку Корицы, по речке Ломоносовке. На военных картах с грифом секретно, данный приток называется Утинка. Парниша уверен, что это именно та река, но гложет маленький червячок сомнения. Перед своим устьем речка по широкой пойме вьёт замысловатые петли, местами бежит в обратную сторону. На прямую, двадцать минут ходу, пойма позади.

Нет не какого желания лезть в зеленку высотой за два метра. Куда, в какую сторону резать пойму? Кругом стены зелёного травяного леса. Начало лета, семнадцатое июня, зелёнка здесь вымахала здорово. Не каждый короткий путь быстр и лёгок, пошли по речке.

В речке много рыбы, по берегам длинные цепочки медвежьих крупных следов. Много участков с мелким песком, медвежьих автографы видно отлично. Косолапые тоже по речкам ходят, в зелёнку не лезут. Только теперь поверил рассказам рыбаков, что на Фирсовке медведи пачками ходят, все берега истоптаны.

Андрюха в лице изменился, да и у ведущего физиономия скисла, стало немножко не по себе, энтузиазм убавился. На каждом кривуне ждёшь встречи. Выше, река кишит мальмай, в ямах два раза видели симу. Поверил и насчёт того, что Фирсовка рыбная речка. Правду рыбаки говорят. Пойму прошли за полтора часа, сколько раз бродили речку, не счесть.

В ста метрах ниже выхода речки из распадка в большую пойму. На правом берегу, на косе усыпанной мелкими речными камушками, решили разбить бивуак. Место подходящие, в десяти метрах ниже огромная куча наносника, дров масса, на выбор, тонких, толстых. Комарики начали покусывать. Мази у ребят нет, не взяли, начало лета, комары будут грызть не так сильно, как например, в конце июля. Если честно, вообще не подумали о мази против комаров, упустили эту важную деталь.

Нет, если бы мазь свободно продавалась, то есть была под рукой, бросили бы в рюкзак. Снова не правильно, если бы захотели, нашли бы мазь! Это вторая грубая ошибка. Комары ребяташкам покажут кто хозяин в тайге и на речке. Медведей испугались, а комаров в счёт не брали. Нашли, кого бояться, медведей! Комар хозяин тайги, сам медведь его боится, хлещи атомной бомбы. Комар страшный зверь, он любого достанет!

Андрюха занялся палаткой. Тимоха быстренько соорудил кострище, огонь заводить не стал. Пошел рыбачить, идти, правда, не куда не пришлось, река в пяти метрах. Бивуак разбивают с таким расчётом, чтоб медведь ну не как мимо не прошел!

Можно было бы в лесу бивуак разбить. Зачем косолапому жизнь усложнять?! В лесу их еще найти нужно. На речки, вот они, сразу оба, короче, мимо не пройдёшь! Нельзя бивуаки разбивать на речных косах. Парниша об этом хорошо знает, топила река в дождь палатку, пока не учится на своих ошибках, упорно их повторяет. О чём это говорит?

Выкрутятся, говорит это о том, что дождя не предвидится! Откуда такая уверенность, если прогноз погоды не слушали? Хочется, чтоб дождя не было и всё тут. На косе устраиваются не на неделю, всего на одну ночь. Андрюха любитель рыбачить, устал, однако парень с непривычки. Обход прижима по сопке, ему дался тяжело, нечего страшного, втянется. Так что Тимоха рыбачил один.

Ему тоже пришлось взять удилище трёх коленку, мялся, мялся, всё-таки решился. Если сосед не поломается, то и он не поломается. На речке, в десяти метрах от бивуака приличная ямка, червей накопили вчера. Началирыбачить, клёв бешенный, рыба удилище из рук вырывает. Десять минут рыбалки, стоп мотор, хватит рыбы, даже перебор. Крупная мальма, под стать ей и подкаменка. Также выдернул двух серебристых крупных гольцов. Тут же у ямы почистил рыбу. Завёл огонь, повесил котелок под уху.

– Пойти черемши, что ли посмотреть? – Андрюха сказал таким тоном, как будто именно в этом месте постоянно собирает черемшу.

Тимоха с удивлением посмотрел на соседа, но смолчал, а когда тот полез в лопухи на поиски черемши, не выдержал, подкусил напарника. – Андрюха, под восьмым лопухом на пятом кривуне. Там медведь косолапый и хромой черемшой торгует, меняет черемшу на молоко сгущённое!

– А вдруг найду, к ухе знаешь, как здорово черемша подойдёт.

– Черемша с ухой это не плохо. Водка под уху ещё лучше. Пойти, что ли в лопухах водочки поискать!

– Ага, на десятом кривуне, под вторым лопухом пьяный в стельку медведь самогон гонит!

– Андрюха, какая черемша? Здесь, полмесяца назад вода шуровала глубиной с метр и каждый год шурует. Ты, наверное, сильно устал и перегрелся на солнышке.

– С непривычки, да я устал, в этом ты прав. Но черемша начинает расти в воде, вон на Лебяжке, из воды черемша лезет.

– Начинает расти в воде, но не везде. В прозрачной, стоячей воде, глубиной в пять, десять сантиметров. А здесь течение пёрло, глубина за метр, вода гольная глина. Так что брось промышленлять на счет черемши, пустая затея. Сильно не переживай, втянешься. Полмесяца по тайге пошарахаемся, втянешься. К осени, когда выберемся, если конечно нам в этом повезёт, станешь худей меня. Если не повезёт, придется становиться снежными человеками.

– А ты тогда вообще не видимым станешь. Невидимый снежный человек, – напарник рассмеялся.

– Я не поправляюсь и не худею, у меня постоянная масса тела. Могу, как заяц корой питаться и не похудею.

Сварили ушицы, настоящий ушицы, без картошки, без крупы. Покушали, попили чаю, если бы не комары, нехватка никотина, Тимоха сказал бы хорошо. Андрюха было принялся с кучи наносника подтягивать большие корни к костру.

– Зачем дрова, да такие большие, делать нечего? Дров у костра хватает. Пошел бы лучше черемши поискал, в речке.

– Вот ехидный, вот прицепился. Дрова на ночи нужны. Медведи толпой шарахаются. Следов вон жуть сколько.

– Андрей, мы не в походе на огороде, а на маршруте. Нам завтра день идти. Или ты захотел остаться здесь пожить? Ночью спать надо, медведи тоже люди и по ночам спят.

– Да ну Тимоха, брось, медведи по ночам спят. Вон случаев сколько, только по ночам к палаткам и приходят, когда костёр потухнет.

– К нам не придут, меня здесь знают, месяц назад запомнили хорошо, поняли, что с таким связываться опасно. А к тебе лично Андрюха ночью мишка приходил? Ты же часто бываешь в походах на огородах.

– К нам не приходил ни разу, но ведь рассказывают. Слухами земля полнится, слухи на пустом месте не рождаются.

– Слухи не рождаются, они как инфузория туфелька размножаются. Да, пришел ночью медведь к палаткам, первым делом продукты все сожрал, девок изнасиловал, парням морды набил. Под утро, забрав хорошие шмутки убрался по глубже в лес! Слухи от походников огородников, именно, на пустом месте и рождаются. Водки нажрут и поперли к ним по ночнику в палатку медведи. При тяжелом похмельном синдроме косолапый это семечки. Кто только к палатке не подходит, не подползает. На деревьях черти с русалками, внизу полно крокодилов. Андрюха, медведь по своей сути не хищник, а всеядное, такой же, как мы. Медведь ну не как не может быть ночным зверем. Исключения, конечно, бывают везде, у всех. Люди раненые в голову тоже по ночам шарахаются, но их мало. Основное население всей планеты по ночам предпочитает спать. Мишка относится к основному населению. Месяц назад стояли на этих притоках, травы не было, а было холодно и голодно, снега было полно. Ни кто к нам, почему-то по ночи не пришел. Кроме одной мелкой зверюшки, пытавшейся полакомится, вермишелью с тушенкой. Может получиться, так, что, пройдя по маршруту, по таким диким, глухим, отдаленным местам, мы не встретим не одного медведя.

– Это почему же?

– Элементарно Ватсон. Ты на свою рожу посмотри! Если бы ты пошел рыбачить, мы бы остались без ухи, вся рыба бы разбежалась. Забыл что ли, как от тебя рыба ломилась, даже одна бедная рыбка на берег выскочила.

– А у тебя что, рожа лучше? Ты же наловил рыбы.

– Я рукой прикрывался и шепнул рыбки, что большой дядька ушёл на другую речку. У косолапых сердечки слабенькие, инфаркт часто случается, какая галиматья! Кого ты Андрюха слушаешь? Сколько раз на Браконьерки ночевали, а там медведей много. Ведь ни разу, ни кто к нам не пришел.

– Мы Тимоха возле костра ночевали, огонь постоянно горел.

– Психология человека интересно устроена. Был бы здесь по берегам за место песочка камень, не было бы видно не каких следов, и ты бы чувствовал себя спокойно. Увидел следы, всё, караул, здесь медведи есть и много, потому что следов много. Мы не на Первухе находимся, хотя туда мишка заходит. Не может тайга пустой быть. Без медведей это не тайга, а лесопарковая зона. Живут они здесь, мы в гости пришли. Так что нечего мишек огнём пугать. Ложись спокойно спать. Косолапый и в темноте не ошибётся, с меня то навару мало, на долго не хватит!

– Тимоха, у тебя шутки, на ночь, глядя не хорошие. Костёр жечь не даёшь, шутишь довольно чёрно.

– Кто тебе не даёт костёр жечь? Пожалуйста, хоть всю ночь кочегарь, но завтра не отставать, долго ждать не буду.

– Изверг ты, одним словом.

– Андрюха, походы на огороды тебя испортили. На ночь, глядя, так не шутят, а когда так шутят, на утро глядя?

– А ты Тимоха что, вообще медведей бояться перестал? Ты спокойный, как будто сидишь в лесу за горбольницей и водку пьёшь.

– Я? Кого боятся, когда нет не кого? А вот когда придёт косолапый, ты с ним и поговоришь на эту тему, меня уже здесь не будит. Я буду летящей походкой подходить к Фирсово. Боятся, дрожать от нереальной опасности это заячья трусость. Ты ведь на машине едешь, не боишься? На машине, попав в аварию сыграть в ящик, шансов в тысячу раз больше.

– Сравнил. Но всё равно осторожность, принятия мер безопасности, не когда не вредило. С огнём то не надо играть.

– Вот и я про тоже. А ты дрова к огню подтаскиваешь, видно собрался с огнём играть, смотри, доиграешься. Огонь это не медведь, его все боятся!

– Нет, с тобой на эту тему лучше не говорить. В том году ты был не такой бесшабашный. А без костра спал бы здесь?

– Так мы и будем без костра спать. У нас матрасы, спальники, палатка, а иначе завтра можно обратно идти в Фирсово. Я Андрюха за этот год всего на всего ближе стал к лесу, стараюсь не слушать страшилок про косолапых.

– Да ты и раньше был с лесом на ты. С нашего двора ни кто один не ночевал на Браконьерки, кроме тебя. Но на ночь я всё-таки наложу.

– На ночь наложишь? – Тимоха рассмеялся. – Тогда спи на улице у костра. Не люблю, когда в палатки дурно пахнет.

– Я про костёр говорю.

– А зачем на костёр? Ты что, Андрюха уши пережрал? Иди вон на камушки наложи, заминируй подступы, чтоб косолапый поскользнулся.

– Смеёшься, завтра плакать будишь.

– Это, с какого перепуга я плакать буду? Ты что это задумал?

– Не чего я не задумал, примета такая есть. Если сегодня смеёшься, то завтра будишь плакать.

– Много примет знаю, тупей вот этой приметы не слышал. И вот эта галиматья в нашей речи мелькает чаще других примет. Да и не примета это, а тупая, дебильная поговорка. Смех это привилегия богов и людей, понял.

– Знаю, но в данное время мне смеяться не хочется, – напарник наложил в костёр крупного наносника.

– Рогачки убери, а то завтра утром придётся рубить новые. Слушай, а ты прав с этой самой тупой приметой. Если завтра избушку не найдём, то я буду плакать, выть буду, уши пухнуть начнут от нехватки никотина.

Костёр сразу разгорелся, пламя огня взметнулось метра на полтора.

– Ты, пионер, доиграешься с огнём, сгорим к чёртовой бабушки с твоей предосторожностью.

– Не бойсь, река рядом, – сосед полез в палатку устраиваться на ночь, готовиться ко сну.

Через десять минут Тимоха залез в палатку. – Слушай, застёгивай свои палочки сам, не могу.

– А у Гоши что, палатка на молнии? – сердито спросил Андрюха, вылез на половину из спальника, поднялся со своего ложа, стал зашнуровать вход, бормоча в полголоса. – Не могу, не могу. Не хочу, надо честно говорить.

– Крепче вяжи, чтоб не открыл! – Тимоха в который раз смеется. А почему не смеяться, если настроение отличное?

– Выплюнь смешинку!

– Тогда расшнуровывай, не буду же я в палатке плевать! Кстати, у Гоши на палатке автоматика стоит. Как в дизелях, знаешь? Так же на пневматике, в палатке двери работают от пляжного матраса. Специальная конструкция для праздно шатающихся по ночам медведей. Мишка к палатки подошел, дверь автоматически открылась, фотодиод стоит. Косолапый голову просунул в палатку, а там второй фотодиод получил сигнал, двери хлоп и закрылись. Всё, попался зверь.

– Ну а дальше пяткой в нос, да?

– Пяткой не советую, лучше обухом топора в нос со всего маху. Кстати, на сон грядущий, чтоб крепче спалось. Думаешь, нас сегодня медведи не видели? Не надо так думать. Если мы

их не видели, то они нас тоже, не правильно думаешь. Молодой зверь мог испугаться и ломаться в глубь зелёнки. Матёрый медведь зашел в зелёнку метров на десять, стоял, ждал, пока два туриста пройдут. Потом снова вышел на речку. Судя по следам, молодых медведей здесь почему-то нет! Да молодого медведя мы бы услышали, как он ломится по зелёнке.

– Спасибо за успокоительное, чтоб тебя так дети успокаивали. Ох, и разгорелся костёр.

– Ну, и я про тоже, сейчас ветерок на палатку дунит, года три не надо будет ходить в парикмахерскую, это в лучшем случае, а в худшем,...

– Хватит страшилок, с меня достаточно, дай поспать спокойно. Ветра быть не должно.

– Кто сказал?

– Медведь, который нас из зелёнки отсекал.

– Ты уже успел с косолапым переговорить? А вдруг он любит жареное мясо, возьмет, да и дунит на палатку! Ну что, будим делать баиньки.

4

Ночь прошла тихо, спокойно, поспали отлично. Поднялись с рассветом, бодрые до не приличия. Потому что температура воздуха чуть ли не минусовая. Свежо больно, точней холодно. Тимоха быстренько завёл огонь, повесил котелок под чай, уху рядышком пристроил.

Андрюха чувствует себя нормально, молочная кислота его слегка зацепила. Сосед вечерами пашет на приусадебном участке. Участок под Горным воздухом, от дома пятнадцать минут ходьбы. По территории участка бегут два ручейка, Андрюха прячет ручейки под землю. Кладёт в русло ручья двухсотлитровые железные бочки с вырезанными торцами и засыпает землёй, метр за метром выравнивает приусадебный участок, работа каторжная. Так что мышцы у напарника разработаны.

Вытряхнули полиэтилен, которым палатку накрывали, роса обильная, кругом всё мокрое. Как не хочется мокнуть, лезть в воду при такой холодине, брр, а придется. Обильная роса поутру, значит, жара днём. Позавтракали, свернули бивуак. Проверились, не что не забыто. Ну что, вздрогнули товарищи туристы!

Через двадцать метров пришлось не вздрагивать, а трястись, чисто практически. В речку полезли, глубина конечно не по колено воробью, но и не глубоко. Зато, какая тёплая вода, что зимой, ноги обжигает. Десять минут хода, мокрые до нитки, не надо не какого дождя, зелёнка вымочила. Теперь вода в речки стала как парное молоко. В речке вода теплей, чем роса на зелёнке.

Прошли часа полтора, остановились на развилке дорог. Вот это номер! Охотовед, словом не обмолвился, о большой, серьёзной развилке. Две речки по размерам совершенно одинаковые. Может, пошли по другому притоку? Тимоха стал нервничать, ругать себя в уме, охотовада материть вслух. Начинается лёгкая ломка. В этом деле главное не думать о куреве, ломка переноситься легче. Кажется левый ключ не много больше, распадок шире.

Пошли по левому притоку. А вдруг изба на правом притоке? Никотина зависимый уже забыл, куда собрались идти, цель маршрута. Ему нужна только избушка, в ней должно быть хоть что-то из табака, хоть окурки. Решил положиться на свою интуицию, в лесу она его подводит редко. Охотовед начинает не нравиться, всё больше и больше. Пройденная развилка подлила масло в огонь, разгорающийся в адрес охотника с высшем образованием.

Прошли полчаса, снова развилка. Да что ты будешь делать, сколько их здесь? На второй развилке хорошо видно, что правый ключ меньше левого. Значит левый основной. Парниша немного успокоился, на первой развилке правильно решил, интуиция не подводит. Не прошли и десяти минут после развилки, как на левом берегу заметили пиленое старое бревно. Заметили издалека, бревно торчит из молодого ельника.

Кажется какая-то старая постройка. Охотовед говорил, что изба рядом со старой деревней лесорубов, не много выше по реке. Чудом заметили торчащие бревно. До ельника полсотни метров по пойме поросшей зелёнкой, берег обрывистый. Если бы шли по воде, нечего бы не увидели. Парнише сильно хочется курить, приходится замечать буквально всё, шарить глазами, выискивая следы дела рук человеческих.

Поднялись на берег, зелёнка за два метра, огромный лопух. Стебель у корня толщиной сантиметров десять, диаметр листа за полтора метра. Здесь что, микроклимат? Прорвались через лопуховые джунгли до молодого ельника. В пойме, сквозь стебли лопуха заметили два полусгнивших сруба. Молодой ельник подростом не назовешь, лес, вышел с подросткового возраста. Через пару десятков лет можно снова посылать сюда ударные бригады лесорубов. В ельнике, ближе к пойме на пологой сопке стоит четыре полусгнивших сруба, больше нечего не видно.

На речке Ясновке, на первом большом притоке Корицы, то есть на следующем притоке. Деревня намного больше, сохранилась лучше. Может и здесь основные постройки в пойме стояли? Повезло, что так удачно проскочили по пойме, не наткнувшись на какую ни будь железную бяку торчавшую на метр из земли.

Посмотрели, походили вокруг срубов, чуть глаза не поломали. Где же избушка на курьих ножках? Нет избушки. Пошли ельником на запад, в трех метрах от начала поймы, пошли по своему курсу. Дорогу преградил не большой распадок. Сам распадок закончился, полоса зелёнки преградила дорогу. Надо прорываться на ту сторону травяных джунглей, наверное, точно придётся курить бросить. Полезли сквозь зелёнку по приборам, трава в полный рост.

Через полтора десятка метров добрались до махонького ручейка. В ручье ямочка, в ямочки коробок небольшой с дощечек сколочен. Чтоб берега ямочки не обваливались. Свежая доска, скажем новая, по сравнению со старой деревней лесорубов.

Размеры коробка пятьдесят на пятьдесят сантиметров, ясно дело, что водичку здесь берут. Только вот куда эту водичку носят, понять не возможно. Кругом стеной стоят, стебли лопуха и другой крупной травы, не какого намёка на тропку. Не косолапый ведь соорудил короб в ручейке? Если даже его, лап дело, тропка бы всё равно была.

Тимоха метров пять проломился сквозь зелёнку по заданному курсу, остановился, встал как вкопанный. Андрюха чуть было не снёс его, тоже застыл с открытым ртом. Сначала из его рта вырвалось типичное русское восклицание ни.., себе! Зимовьё стоит. Когда выходишь на постройку с северо-востока, как вышли ребята. Язык не повернется назвать зимовьём данный теремок. Дачный домик на приусадебном участке, начальника средней руки! Торец весь стеклянный, сплошное окно с деревянными переплётами. Вот вам и зимовьё!

Прошли два метра, остановились у большой эмалированной, чугунной ванны. Внизу под огромной посудиною литров на пятьсот сделана топка. Со стороны избы, посередине длинны ванны, торчит двух метровая труба. Вот это да! В охотничье-промысловых делах, ребята полные нули, ничегошеньки не соображают. Решили, что ванна нужна для выделки шкур, если имеется топка, значит, воду греют.

Что в ванне греют воду и дураку понятно. Что дальше делают, с нагретой водой, не смогли сообразить, шкуры добытых зверей здесь не причём. Люди тёмные, а где-то, перед кем-то считают себя слишком умными. Ванна предназначена для человеческих шкур!

Нет, нет, это не избушка людоедов! Всё оказалось проще не куда. Нагрел воды и купайся, плескайся в ванной даже зимой в трескучий мороз. Именно для соблюдения чистоты тела стоит ванна. Через два года Тимоха испытает такое удовольствие в этой ванне. Кругом горы снега, он голый в ванне лапы парит, одна голова из воды торчит.

Вход в сени с юго-восточной стороны, по длине зимовья. Вход занавешен солдатским одеялом. Над входом приколочено вырезанное из куска капы человеческое лицо. Кап – шишковатый нарост на стволе дерева, часто встречающееся на березах, плотная, твердая древесина, с текстурой напоминающей мрамор. Хороший материал на рукоятки ножей. Просьба не путать с чагой, кап встречается на любых деревьях, не исключая хвойные породы деревьев. Вырезанное лицо напоминает атрибуты шаманства, лесных людей.

На границе сруба и сеней, чуть ли не впритык к постройке стоит большой высокий пенёк времён лесоуничтожающей деятельности на этой речке. На пне лежит огромный череп, ясно, что не коровий, медвежий. Сразу за пнём не большое окно. Напротив окна в трех метрах от зимовья стоит длинный стол с лавками по бокам.

Сбросили рюкзаки на лавку возле стола, зашли в сени. Деревянный пол, немного дровишек, ящик с капканами. Разная посуда, прочая утварь висит на гвоздях, вбитых в стены. Дверь в зимовье нараспашку, дверной проем смещен вправо. Слева у стены стоит лесенка на чердак,

крыша двухскатна, общая с сенями. Зашли в избу. Снова ахнули, снова восклицания с трёх буквенным матерным корнем. Вот это зимовьё!

Внутренние размеры избы, примерно два с половиной, на три с половиной метра. Сразу от двери, налево небольшая железная печка с вырезанным кружком наверху. За печкой окно, маленький столик возле окна. Над ним полка, на ней лежит посуда разная. В ребро доски полки вбиты гвоздики, на них кружки висят. Пять фарфоровых кофейных кружечек ребят поразили. Привлекли такое же внимание, как ванна, стеклянная стена.

Почему их так кружечки фарфоровые заинтересовали? Не может Тимоха объяснить, не получится. Наверное, если зимовьё, то на гвоздиках должны висеть пустые консервные банки, с которых охотники чай хлебают?! За кухонным столом пошли нары сантиметров семьдесят ширины, до торцевой стенки.

Над нарами полка, а на полке. Ура! Курево лежит, это есть хорошо. Торцевое окно по середине, под ним стол побольше кухонного. С противоположной, глухой стены нары на всю длину зимовья. Пол и потолок из досок, много матрасов, подушек, одеял. Количество спальных комплектов, в два раза превышает количество спальных мест, в избе три спальных места.

В зимовье есть четвёртое чудо, как только зашли в избу, это чудо сразу бросилось в глаза, иначе и быть не могло. Сразу бросилась в глаза страшная морда. Тимоха на мгновение опешил, хотел, было убежать со страшного дома. Потом не чего, нормально, вовремя себя узнал!

По бокам торцевого окна над головами по два больших узких зеркала. Не такие они и узкие, пятнадцать сантиметров ширины, по полметра в длину. Четыре больших зеркала, вы только представьте, увидеть такое в охотничьей избушке. Видно хозяин сильно себя любит. На полках лежат книги. На большом столе лампа керосиновая, транзистор, будильник механический, электронных будильников в это время ещё не было.

Ребята посмотрели каким должно быть отличное охотничье зимовьё. В будущем Тимоха будет строить избы только с такой планировкой, потому что планировка классическая, лучше не бывает, хуже, да. Не стоит изобретать велосипед, он давно изобретён. Правда, с печкой охотник опростоволосился. Парниша это поймёт только через три года. А пока печка классная, супер, наверное, быстро варит.

В зимовье идеальный порядок, тоже понравилось. Мало чистых, опрятных избушек. Охотвед рассказывал как, мол, они рубили избу. Забросили их в начале мая на вертолёте Ми-8. Двух охотников и десяток солдат. С помощью вертолётки, можно позволить ванну, зеркала, доски, много оконного стекла.

Избу рубили с сырого леса, срубили быстро, за два дня. Своим ходом выбрались в Фирсово, чуть было не утопили солдат в реке Корице. Тимоха уже начал сомневаться в его рассказе. Через три года будет убежден. Семёныч не принимал участие в строительстве данной избы, опять же услышал, преподнес в другом ракурсе.

Семёныч в госпромхозе был приёмщиком пушнины, а не мальчиком на побегушках, который для своего начальника избы строит. Для этого полно штатных охотников, тем более Семёныч ленивый мужик. Когда человек приписывает себе чужие дела, значит он с гнильцой. Когда человек объясняет путь, про который толком не знает, но говорит, что он там лично был. При этом, зная, что тот, кому объясняет, обязательно пойдёт в тайгу, руководствуясь его объяснениями. Это уже гнилой человек, а не человек с гнильцой.

Зимовьё довольно свежие, сруб ещё желтенький, золотистый. На избе сожгли, почти целую плёнку, тридцать шесть кадров. Фотоаппарат перегрелся от работы. Где только не позировали, даже в ванне. С медвежьим черепом чуть ли не целовались. Одним словом туристы.

Тимоха накурился до такой степени, что дым повалил со всех щелей, как у испорченного паровоза! Сигареты, правда, не ахти, Прима плесневелая. Это не марка такая, хранение

такое, сигареты в сырости лежали, немножко плесенью покрылись, пачки бумажные. Спасибо за такие сигареты, парниша хоть в себя пришел, успокоился.

Завели костерок. Печку, в жаркую погоду решили оставить в покое. А то чего доброго спалят зимовьё. Возле кострища лежит чугунная рамка, два булыжника по бокам кострища, рогачков нет. Чугунную рамку кладёшь на булыжники, ставишь чайник или кастрюлю. Всё сделано чётко, всё на высшем таёжном уровне. Даже печка с дыркой на плите! Вот какой Тимоха желчный человек. Данную печку можно простить молодому не опытному охотнику. Но не специалисту в таёжном деле. Всё хорошо, в избе, рядом с избой.

Видно, что человек любит комфорт, может его делать, не ленится создавать комфорт. Можно создать комфорт у бивуака разбитого всего на одну ночь, чем парниша постоянно занимается. Любит комфорт, может создавать комфорт из нечего. Много людей, большинство, в лесу опускаются до свинского состояния в трезвом виде. Это говорит что по жизни они свиньи, грязнули.

Возьми человека с собой в лес, хотя бы на пару дней, без разницы куда. В зимовье или в палатки пожить. Ты за два дня узнаешь о нём столько, что за пять лет в цивилизации не узнаешь столько об этом человеке. Тимоха считает, что в тайге любой сбрасывает свою выбранную по жизни личину, становится таким, каким он есть на самом деле. Тайга заставляет снять личину.

Слегка перекусили, попили чаю, надо двигать дальше. Ребята на правильном пути. Как им обоим хотелось переночевать в зимовье, даже немножко пожить в избушке. Мелькнула мысль, да гори, этот маршрут синим пламенем, неделю можно пожить здесь, познакомится с местностью, рыбалка отличная. В избе должна быть мука, масло растительное.

Труба зовет, на карту поставлена честь туриста, таёжника. Сколько можно пытаться пройти по данному маршруту? Зимовьё оказалось не далеко от Фирсово. Через два года, в первых числах апреля, на лыжах с весом рюкзака в три раза превышающим нынешний вес, Тимоха дойдёт до избы всего за четыре часа. Выйдет обратно, налегке, за два с половиной часа. В первый раз почти сутки плелись до избы, путь незнаком, и лето на дворе.

Пришлось взять с зимовья две пачки Примы плесневелой, не чего не поделаешь, обстоятельства. Охотник не обеднеет, на полке осталось больше десяти пачек. Не будет он курить заплесневелую Приму, выбросит. Навертали человек, занимающий высокую должность, балуется самыми дешевыми, овальными, не фильтрованными сигаретами пятого класса.

Прима дешевле Беломора на девять копеек. Ниже Примы, не фильтрованные болгарские сигареты Шипка и Солнце, они трава травой. Пройдет, каких-то три года, за поступок выбросить десяток пачек заплесневелой Примы, можно будит жизни лишится! Пока пачка Примы стоит четырнадцать копеек, мало кто такие сигареты курит. Пролетариат налегает на Беломорканал, на дешевые болгарские, фильтрованные сигареты.

Надо идти дальше, вперёд! На речку свалились немногим выше зимовья. Здесь река делает большой кривун. Если идти на речку по ручью, откуда воду берут, то придется, полсотни метров прорываться сквозь зелёнку. Метров в пятнадцати выше избы, полоска ельника, приютившаяся на каменном обрыве высотой метра два. По обрыву свалились в речку. Прошли около часа, снова развилка дорог. Здесь задачка сложнее, ну совершенно одинаковые по размерам ручьи и распадки.

Хоть бери ромашку и гадай. Не растут в тайге ромашки, на бамбуке гадать не умеют. Есть только один выход, интуиция. Скорей природный дар чувствовать лес, определять, угадывать правильный, то есть нужный путь. В этом случаи логика вмешалась в данную проблему. Постоянно шли по левому рукаву, и дальше пойдём по левому. В природе много симметрии, ручьи бегут по своим законам. Круговорот воды в природе здесь не причём! Учителя в школе грубо обманывают на эту тему, учат тому, чего сами не знают.

Пошли по левому ручью, хотя он бежит с севера, правый ключ бежит с запада, как ребятам надо. До перевала не близко, распадки ещё сто раз сменят направления. Два туриста не первый день в лесу, пошли по правильному пути. Полчаса ходу, послышался отдаленный нарастающий с каждым шагом шум, гул. Впереди водопад. Прошли кривун, второй кривун, водопад, в тридцати метрах, подошли ближе к самой яме.

Вода несётся сверху с наклоном градусов в пятьдесят по каменному желобу, промытому в чёрной породе. Перед ямой, метра два вода падает отвесно. С двух сторон скалы. Тимоха попытался по выступам подняться до желоба, получилось. Дальше не как, порода скользкая, течение быстрое, напор воды сильный, вода здесь ревёт. Придётся обходить по правой стороне, там, наверху ельник. Левый склон голый, высокий, крутой. Сфотографировал водопад, сами увековечились на фоне водопада.

Вернулись к повороту, только здесь нашли подходящие место для подъема на правый склон распадка. С пробуксовкой, хватаясь за кусты черничника, парниша залез наверх. Бамбука фактически нет, ягодник не даёт бамбуку жизненного пространства. Поднялся метров на десять выше верхней точки водопада, добрался до ельника. Водопад как на ладони, сразу за водопадом крутой поворот на запад. Пошёл по крутому склону, поросшему ельником, в десяти метрах выше склон положе, и сплошная стена мощного бамбука. Андрюха ещё буксует на подъёме, ведущий уже направился на обход водопада.

Почти поравнялся с водопадом и тут как обычно ЧП, чрезвычайное происшествие. Эти чёртовы, ЧП возникают на самых интересных местах. От футляра фотоаппарата, с одной стороны отвязался ремешок. Тимоха почувствовал что, что-то ползёт по шее, наверное, какая-то гусеница на нем катается. Было попытался смахнуть будущую бабочку, убрать рукой с шеи.

Короче, данным движением дал ускорение сползающему с шеи ремешку. Зенит упал на землю, склон крутой. Фотоаппарат кубарем покатился к обрыву, хлоп и прыгнул вниз. Была слабая надежда, что ремешок зацепится или фотоаппарат в ёлку упрется.

Зенит, наверное, раньше, катался на шее кого ни будь горнолыжника. Так что проскочил, не задев не одного дерева. Гусеницы испугался, мать твою, укусит, зубы у гусеницы, что у крокодила, могла шею перегрызть или горло! Сначала парниша дико завыл, потом заорал благим матом. Как будто виртуальная гусеницы все-таки впились в горло и грызёт, грызёт, а он матерится, матерится. Больно, однако, и не чем не унять эту боль, гусеница то виртуальная, душу, скотина прогрызла насквозь!

– Тимоха, что случилось? – тревожно, испуганно закричал Андрюха. Он только поднялся на уровень обхода водопада, пошел по стопам товарища.

– Фотоаппарат вниз ушел, кажется, угодил прямо в яму, – прокричал виртуально укушенный. Сбросил рюкзак, прислонил его к ёлки, чтоб следом за фотоаппаратом не ушел. Начал было спускаться вниз, прямо по курсу Зенита.

– Осторожней. Я думал, ты сам вниз сорвался. А как он с шее слетел?

Тимоха уже находится на границе ельника и обрыва, напротив Андрюхи. Спустится на прямую, даже пустому, без рюкзака, не получится, не за что ухватится.

– Как, как? Узел развязался, – горло заболело, кричать. Возможно, напарник не услышал ответ.

Дело в том, что на футляре фотоаппарата был коротенький ремешок, как ручка у чемодана. Правильней будет, как ручка у барсетки. Что такое барсетка, ребята в данное время и слова то такого не слышали, живут то в развитом социализме и к тому же на Сахалине! Какие к чёрту барсетки! Фотоаппарат носили в руке, в лесу это не возможно.

Можно довольно быстро угробить оптику, самому травмироваться. Ремешок от своего отслужившего ФЭДа, просто взял и привязал узлами к футляру Зенита. Не стал мудрить с креплением ремешка. Фотоаппарат чужой, после похода надо вернуть владельцу. Сегодня

с утра узлы проверял, опасение было. Фэдовский ремешок жесткий, толстый, не затянешь сильно тугого узла. Можно конечно лом в тугой узел затянут. Как потом развязывать?

Ремешок гад, выбрал же момент, как специально поджидал удобного случая. Уж развязаться, так развязаться, колобок долбаный. Наверное, не чего не придется возвращать, если попал на камни то всё. Фотоаппарат чёрт с ним, как за угробленную вещь Тимоха ни капельки не переживает.

Деньги вернёт за место фотоаппарата, это не дефицит. Фотоаппаратуры в магазинах полно, живём-то в развитом социализме! Жизнь, одно удовольствие, фотографируй, запечатляй жизненные удовольствия на плёнку! Маршрут только начался, и остались без фотографий, вот в чём суть его расстройств, от чего выл, кричал, ругался.

Обошел каменный обрыв, слетел вниз гораздо ближе места, по которому поднимались, вниз не вверх. К тому же порожняком, и злой, однако. Осмотрел всё кругом, нет аппарата, ушел, чёртов колобок, да в яме он гад спрятался. Яма шириной метра два, длиной метров пять. Глубину сейчас измеряет и скажет! Залез в воду, ух водичка! Ледяная. С чего бы это? Жара кругом стоит. Глубина по пояс, стал шарить ногами по дну.

В яме вода как в кипящей кастрюле, мутноватая. Андрюха кричит сверху, обняв елку, чтоб не повторить подвиг Зенита. Ну-ка, ну-ка, если такая туша грохнется вниз. Тимоха успеет отскочить, толку с этого, не будет не какого. Напарник при падение поднимет сильную волну, парнишу выкинет из ямы и по скалам размажет! Так что, эй ты там, наверху крепче держись! Тимоха за себя боится, здесь такой рельеф, что все дороги ведут в яму, где он находится.

Зло посмотрел на Андрюху, тыча себе пальцами в уши. Мол, какого чёрта ты глотку рвёшь, всё равно не чего не слышно. Под ухом вода ревет, от брызг почти полностью вымок. Почему здесь вода мутная? Место, наверное, аномальное! В воде как семидыр, мелькнул конец фэдовского ремешка и снова исчез. Семидыр народное название змеобразной рыбы миноги.

Ремешок цвета сурика или цвета хны, красно-рыжего цвета. Фотоаппарат лежит грузом на дне, ремешок полощется по течению, то появится, то скроется. До поверхности воды не достаёт, глубоко. Выбрал момент, поймал ремешок.

В гробу бы видеть такую рыбалку. Горе то, какое. Плёнка в фотоаппарате больно ценная, всё зимовьё на этой плёнке. Ну что, приехали, здравствуйте девочки, конец съёмкам и снимкам. Поход только начался. Турист без фотоаппарата, что охотник без ружья. Были опасения, что поход гладко пройдёт? У Тимохи не чего гладко не проходит, кроме водки по горлу!

Окрестили не хорошее место, водопад стал называться Монтана. В США есть штат Монтана, на Сахалине теперь есть одноимённый водопад. Что обозначает Монтана по-американски, парнише до сих пор до лампочки. По-русски монтана молодёжный сленг, обозначает матерное слово, много матерных слов, короче, здравствуйте девочки, пришли.

Плёнку, всё-таки спасёт, он специалист по фото делу, любитель имеющий профессиональные знания. Уже, будучи дома, на пару часов кассету с плёнкой бросит в воду комнатной температуры. Мокрую плёнку аккуратно зарядит в проявочный бачёк, обработает химикатами. Всего на шести кадрах не большие склеивания в виде клякс, напоминающих каких-то неземных существ. Не одна клякса не попадёт на лица двух соседей. Страшные ребята, кляксы и те их боятся! Какие могут быть медведи на пути у этих двух страшных туристов?

Вернулся на исходную позицию, где оставил рюкзак. Андрюха сверху сразу заметил ремешок. Поэтому и кричал. Что толку кричать? Водопад грохочет так, что самого себя не слышно. Немножко передохнули в ельнике. Пришлось сделать внеплановый перекур. Тимоха нервы успокаивал. Погоревали, поругали Серёжку, хозяина зенита.

Быстро крайнего нашли, чей фотоаппарат, тот и крайний. Стиляга молодой, нормальные советские граждане, патриоты, носят фотоаппараты через плечё. Как португезя у красного командира.

Носить фотоаппарат в руке, извините, это пахнет антисоветизмом! Молчаливый призыв к свержению родной советской власти! В руках там за бугром носят фотоаппараты. Пусть только заикнется, что фотоаппарат не работает. Молодого человека быстро подведут под политическую статью. Антисоветскую пропаганду можно пришить к любому, бес всяких ниток, был бы человек хороший!

Уже третий год идёт перестройка, но КПСС сильна, как и прежде. Некоторые шавки пытаются кусать партию, им сразу ломают зубы, вместе с шеей! Правда, хворать партия стала. Все думают, что временное недомогание, а оказалось начало конца. КПСС с наружи выглядит хорошо, молодо, семьдесят лет для вечности это не что!

Внутри с самого рождения образовалась раковая опухоль, о которой партия не подозревала, она думала жить вечно. Пациент болен безнадежно. Будет резкое осложнение и партия умрёт. Такая партия вообще не должна была жить. Россия страна исключений, здесь возможно невозможное. Говорят, что в этом мире не что не вечно, ошибаются, людские пороки, глупость людская вечны.

Горю туристов ни кто не может помочь, даже совесть, ум и честь нашей эпохи здесь бессильна. Прошли верхом пару десятком метров, упали в ручей. Теперь путь пошёл строго на запад, то, что ребятам нужно. Довольно крутой подъём, ручей слышно, но не видно.

Ослепли что ли с горя?! Распадок забит снегом! В конце июня пока что не приходилось ходить по снегам. Но ведь надо когда-то начинать. В первых числах июля придётся лазить по снегу на юге Сахалина. Всё будет зависеть от весны и от дурной головы. Да, все дело в голове, через много лет придется подниматься по снежнику в конце августа!

Снег в распадке прессованный. Поэтому вода в ручье ледяная, мутноватая. В распадке сплошной снежный покров, это хорошо, радоваться надо. Все подарки спрятаны под снегом, ребята пойдут как по асфальту. Пошли, Тимоха бодро рванул вверх. Андрюха сразу начал отставать, через полсотни метров вообще ход сбросил до черепашьего. По прессованному, слезавшемуся снегу он идёт впервые, парниша в это время года тоже впервые идёт по снежному пути.

– Андрюха, веселей давай! Не наступай на самый тёмный снег, где мусор скопился. Эту полосу вон, хорошо видно и впритык к склону не прижимайся. Там тоже будишь проваливаться.

– Ты меня насколько легчи?

– А причем здесь вес? У тебя размер ноги насколько больше? Да здесь умный слон пройдёт, не провалится. Ты что, дурней слона?! Смотри, – пришлось попрыгать на месте, кажется, зря, товарища не переубедишь. – Вперёд, веселей! Да же если провалишься, то не разобьёшься, а уж что не утонишь это точно, здесь мелко, проверенно, мин нет. Что ты ступнями елозишь, как обделался?

– Не мешай, а если я сломаю, что ни будь?

– Разве я брошу друга в беде, за кого ты меня Андрюха принимаешь? Ну, прямо обидно стало. Естественно облегчу твои страдания, добыю. Конечно, плохо, неудобно, большие камни под снегом. Придётся топором или волоком спущу до водопада, да притоплю в яме. Устроит такой вариант?!

– С кем я связался? Спасибо, утешил, обнадежил, ты настоящий друг Гитлера. Я лучше пойду потихоньку, и не придется тебе топор пачкать.

– За топор не беспокойся, в холодной воде кровь быстро отмывается. Медведь что ли бы сзади нарисовался. Сразу бы рванул, меня бы обогнал. Короче, догоняй, я плестись не собираюсь.

Пошел наверх своим крейсерским ходом. Разрыв увеличивается с каждой минутой. Андрюха, прежде чем ступить, проверяет прочность снега, чехлом с удилицами, и так каждый шаг.

Парниша остановился на крутом повороте, снег закончился. Распадок идёт чётко с юга. Ребятам туда не надо. Посмотрел на запад, на крутой склон, поросший мощным высоким бамбуком. Вот сюда им надо. Здесь на хребте большая, глубокая седловина. Снизу её было хорошо видно. Придется полсотни метров лезть по лобовому бамбуку. Откуда бежит ручеёк не известно. По обе стороны седловины, высокие горы, поросшие стлаником, бамбуком. Напарник далеко внизу, крадётся по снегу как по минному полю.

– Андрюха!! – что было мочи, во всё горло заорал Тимоха. Сегодня часто приходится глотку рвать. – Вот сюда полезем, на прямую, в лоб, – показал рукой направление пути.

Напарник в ответ мотнул головой, мол, понял. Тяжело ему, парниши тоже нелегко. А кому сейчас легко? Жизнь пошла такая, как предстоящий подъём, ползи в сопку сквозь бамбук и не хнычь. Пополз по лобовому бамбуку на пятидесяти градусный склон. Ох, и силен здесь бамбук! Пришлось лезть новым способом. Ни разу так не ходил.

Сообразил моментально, как сделать трёх коленку в чехле не обузой, а помощницей. Бамбуковые дрова в чехле, просовываешь вперёд. Насколько можно раздвигаешь заросли бамбука, ныряешь в эту щель. Таким способом метр за метром, метр за метром. Всё выше и выше, свободной рукой хватаешься за бамбук.

В этом туристическом походе ребята не имеют компаса. Причина проста, банальна, всего на всего, ведущий забыл про компас. С головы вылетел нужный прибор. Если курева не взял, бросить решил, можно и компас не брать. Так что, насчёт не гладкого прохождения маршрута, позаботился основательно! Зачем нужен компас в этом бамбуке?! И так рук не хватает. По солнышку будут ориентироваться, обойдутся без компаса. Всё ещё впереди, штурмуют только первый хребет. Пот бежит ручьями, на зубах пыль хрустит, образующая от сухих ломающихся стеблей и листьев бамбука. Ещё не много, ещё чуть-чуть.

Ура! Тимоха кажется, залез. Дышит как загнанный паровоз. Пот стекает потоками. Тяжело дался участок бамбукового пути. Снова на хребте Шренка, за год второй раз. Чуть больше месяца назад не слышал, что на Сахалине существует хребет Шренка. Большой отрог Камышового хребта. Про горы Даги, которые находятся в семистах километрах, северней областного центра слышал. Про хребет Шренка, который в десять раз ближе, не слышал.

Осмотреться, не как не возможно, бамбук под два метра, чистых мест в седловине нет, турист их не видит. Если котелок хоть немного варит, безвыходных положений не бывает. Забрался на корявую берёзу, не снимая рюкзака. И это разве котелок варит?! Да он ото льда деформировался, растрескался. Кто же на деревья с рюкзаками лазает? Береза не высокая, но мощная. Поднялся всего на пару метров от бамбука. Пристроил на ветках рюкзак, сам устроился как в хорошем кресле.

Ветер, такого с берёзой натворил, что почти все корявые боле мене приличны ветки, расположены горизонтально земли! Обзор прекрасный, листва берёзы не капельки обзору не мешает. Фактически нет листвы, только недавно почки раскрылись. Торчат махонькие листочки и вкусно пахнут. Тимоха с детства любит жевать махонькие листочки берёзы, тополя. Такова была жизнь, счастливое советское детство, жвачки не было, приходилось листья жевать, смолу еловую!

Повесил футболку на просушку. Открыл фотоаппарат, открутил объектив, положил на рюкзак. Пусть сохнет, а вдруг заработает? С наслаждением покурил. Внимательно рассматривая распадок реки Найбы. Распадок, по которому будут падать видно, а вот напротив распадка, не видно не каких распадков. Может сверху не видно? Если большая пойма, то её должно быть хорошо видно, пока начало лета, молоденька листва, контрастно отливается от вечно зелёных пихтовых. Нет внизу большой поймы.

Снизу стал доноситься слабый шум бамбуковой листвы. Минуту пошумит, минуты три тишина, как будто помер. Напарник рывками, точнее урывочками двигается вперёд, вверх.

Парниша изредка подает голос, страсть как не любит бес толку кричать в лесу. На подобие, Вася ты где, Анюта я тута. Приходится кричать, чтоб сосед не сбился с курса, чтоб вышел чётко на него. Здесь, пожалуй, пойдёшь, чтоб полз на его голос. Бамбук шумел долго, с полчаса ведущий на берёзе загорал.

Наконец появился турист любитель, укатали сивку крутые горки. Этот подъём Андриюху убил. Тимохе на него смотреть жалко, зато он смотрит на соседа как на врага народа. Интересно с чего бы это?! Андриюха устроился на соседней берёзе, в пяти метрах от берёзы, где сидит ненавистный сосед! С горы Рудановского обзор намного лучше, на то она и гора. С седловины просматривается восток да запад.

На востоке далеко, далеко видно море. На западе сопки, сопки и ещё раз сопки. В мае было всё белое, через месяц стало всё зелёным. Осталось забраться на хребет Шренка, в конце сентября. До распадка, по которому бежит Найба рукой подать, не далеко.

Андриюха минут десять приходил в себя, отдышался, ожил и заговорил. – Ох, и подъём! Я пока лез по этому бамбуку, проклял всё и поход и тебя Тимоха в первую очередь. Вспомнил жену, дочку, как хорошо рядом сними сидеть дома. Дернул же меня чёрт. Вот это подъём так подъём. Недаром говорят, дурная голова ногам покою не даёт.

– Андриюха! И не только своим ногам, но и твоим ногам моя дурная голова покоя не даёт. Значить не такая уж дурная голова на моих плечах. Не канючь, у нас впереди центральный, главный хребет. А этот, на котором сидим всего на всего отрог Камышового, так что крепись геолог!

– Не пугай, после этого подъёма ты уже меня не чем не испугаешь. Я Тимоха про свою дурную голову говорил, что дурак согласился. Знал, ведь с кем идти собрался. Что на всю жизнь поход запомнится это точно. Второго такого подъёма я не вытяну.

– Куда ты денешься, вытянешь и в два раза длинней, да круче.

– В два раза круче? Это уже получается стена отвесная. Ты же Тимоха говорил, что на Камышовом перевал низкий.

– За что купил, за то и продал. Сам-то я не был на перевале Охотничьем. Я же тебе сказал, а ты не понял, что это отрог Камышового, сынок. У хребтов не как у людей. Дети хребтов гораздо ниже родителей. На перевал Охотничий ещё попасть надо. В эту седловину мы удачно попали.

– Ну, ты и сволочь Тимоха. Что ты мне сразу не сказал что такой крутой хребет?

Лицо соседа скисло, снова стал волком смотреть. Думает, заманил козёл лёгким путём, а теперь всю правду рассказал. По глазам видно, что, наконец-то Андриюха понял разницу между хребтом и отрогом. Но деваться-то некуда, придется идти!

– А ты что думал как в том году, по тропам, да по дорогам? Нет дорогой, надо повышать свой профессионализм. Без троп и без дорог, через тернии к Чехову!

– Да пошел ты к чёрту со своим профессионализмом. Через тернии к Чехову, в могилу что ли? Для этого есть пути гораздо короче, и легче, в самом городе.

– Не когда не ходи коротким путём! Согласись, что деваться то тебе не куда, один обратно ты не пойдёшь. Смирись с судьбой сын мой, каждый несет свой крест! Мы будим идти вперёд на запад, на Берлин. Ты представь, что немца гонишь в его логово, второй фронт открыт, победа не за горами. Настроение должно быть на пять с плюсом.

– Ну не дурак ли, а? У тебя ещё есть силы шутить.

– Шутить Андриюха, это тебе не мешки ворочать, сиди да шути, язык он бес костей. А в нашем случае, шутить это тебе не по хребтам сквозь бамбук лазить. Кстати, фотоаппарат заработает, экспонометр уже ожил. Нужно днёвку делать, объектив разбирать. Между линзами воды много. Фотоаппарат минут десять в воде пролежал, водичка успела просочиться в объектив.

– А ты потом-то объектив соберёшь?

– Куда я денусь? Ты Андрюха шибко не переживай, у хребтов дети меньше ростом, а вот характеры разные. Может папа Камышовый мягкий характером.

– Да, да, что, ни разу в Холмск автобусом не ездил? Как я понял нам, во что бы ни стало нужно попасть на этот Охотничий перевал.

– Понял ты правильно, но еще раз говорю, не нравится мне рассказ охотоведа. Может такого перевала и не существует.

– Тимоха, да брось ты, избушку то по его рассказу нашел.

– В том то Андрюха вся суть, что по рассказу, а не по объяснениям. Он про Ломоносовку вообще не чего не сказал, кроме того, что Ломоносовка второй приток Корицы, изба стоит на левом берегу возле старой деревни лесорубов, на этом всё, все его объяснения. Такую информации он мог услышать от кого ни будь.

– Обнадёжил ты меня с этим Камышовым хребтом, вот дурак, согласился.

– Это тебе не на Браконьерке водку с девками пить.

– На Браконьерки нет таких перевалов.

– Если бы такие перевалы были по пути на Браконьерку, то там бы ни кого не было, и не называлась бы речка Браконьеркой.

– А ты помнишь Тимоха, сколько мы веса пёрли? Рюкзаки были раза в два тяжелей, чем сейчас.

– Как бы ни в три раза тяжелей. Чего только не было в рюкзаках и помидорчики с огурчиками и яблоки. Всякой ерунды гору набрали и всего четыре бутылки водки. А закуски четыре ящика. Можно было бы булкой хлеба обойтись. Лучше бы водки больше взяли.

– А тащились сколько. Девчонки после каждого километра отдых устраивали. Зато обратно налегке быстро шли.

– Быстро придти с Браконьерки это два часа с половиной, а мы часов пять телипались. Тебе-то легко было, а я по деревьям лазил как обезьяна, за кишмишем. Забыл что ли? Хотя обломилось бы, хоть что ни будь от этих девок. Такие походы на огороды я знаешь, где видел?

– Знаю. Насчёт обломилось ты сам виноват. Нажрался, ночной концерт устроил без всяких заявок по собственной инициативе. Вот тебе и точно облом вышел.

– А тебе что, облом не вышел? Спал между двух девок и замерз. Где ты вообще нашёл эти две морозильных камеры?

– Сам знаешь где, спрашиваешь.

– Ну, ты, наверное, выбрал самых, самых снегурочек, у которых всё отморозено! В этой общаге есть такие девки горячие, любви обильные.

– Тебе надо было меньше пить. Ты же обматерил девчонок, вот они и обиделись.

– Да за раздавленную бутылку водки их надо было обоих в той яме притопить. Обматерил, легко отделались, нечего было водку прятать. Мол, напьётесь пьяные, придёт медведь, что мы будим делать? Дуры девки. Если бы сидели трезвые, пришел косолапый меня бы как ветром сдуло. Я бы к городу, не спеша, подходил, самое главное своя шкура. А вот если бы косолапый пришел к костру когда я пьяный был, косолапому бы не повезло. Пьяный я рыцарь. Девкам пришлось бы медведя защищать от меня.

– Медведь не дурак, подходить к тебе пьяному. Ну, ты точно так девкам утром и сказал.

– Андрюха, медведь не дурак к костру подходить. Мы дураки, что девок потащили в такую даль. У них на уме был один медведь. Какая к чёрту может быть любовь, когда мандраж бьёт? Надо было в Венский лес идти. На Найбе вон листва ещё не полностью распустилась.

– Точно Найба внизу?

– А что за река, по-твоему, Поронай или твоя любимая Лютога?

– Почему моя любимая? Пару раз то всего лишь съездил в поход на Лютогу.

– Прямо так и пару раз. Может пару сотен раз? На рыбалках в школьные годы сколько раз на Лютоге был? На этом чушкином болоте.

– Как будто ты там, на рыбалки не был. И Лютога, кстати, не чушкино болото, вода в реке чистая.

– Зато берега все в дерьме. Народу ужас сколько. Когда корюшку ловят на удочку или краснопёрку, живая цепь в двести, в триста человек стоит плечом к плечу, ужас одним словом. А на рыбалке, на речке Лютоге я был всего один раз. Помнишь когда на Запорожье за краснопёркой ездили? За наш Сахалинский Артек, пешком ходили. Как соберусь на такие рыбалки, постоянно приезжал без рыбы. Ещё когда в школе учился, понял, что рыбалка это не мое, вот водку пить другое дело.

– Водку пить, тоже мне пивака нашёлся. Сколько ты раз водку пил? По пальцам пересчитать можно. Ты винище хлестал и коньяк, Матру свою любимую. А сколько примерно до Найбы?

– Примерно или приблизительно, и откуда?

– Не один ли чёрт. Примерно, приблизительно, откуда? Отсюда, с берёзы.

– С твоей или с моей?

– Тимоха, хватит дурковать. На глазок, сколько примерно времени будем спускаться?

– Ну, если на глазок то к осени смайнаем.

– Я серьезно спрашиваю.

– Ну, ты же видишь распадок перед собой, вот и прикидывай на глазок. Сказали что Тигренок короткий ключ. Да это и отсюда видно. Так что около недели, дней пять. Вот только примерно или приблизительно, ты как думаешь?

– Да пошел ты Тимоха. Находимся в таких местах, без фотоаппарата, а он всё хи-хи, да ха-ха, всё шутит.

– Ну, я-то, откуда знал, что в таких местах без фотоаппарата шутить нельзя! Теперь буду знать.

– Вот дурак, с кем я пошел! Что ты так пристально смотришь на меня?

– Да ты в этом гнезде больно на рябчика похож. Косолапый думает, как схарчить ближнего рябчика?

– А может ты ближний рябчик?

– Ослеп что ли? Медведь вон сзади тебя минут пять стоит, смотрит. Думает, что же эта за птица, может ли она летать? Но, судя по размерам, наврядли, если только с берёзы вниз полетит. Тряхануть надо дерево, чтоб эта груша упала!

Напарник резко повернулся назад, чуть вниз не слетел.

– А, испугался!

– Сам ты и шуточки у тебя такие же. Нашёл место и время.

– Ой, я забыл, без фотоаппарата не шутят в таких местах, а про время ты не чего не говорил! Ну что рябчик Андрюха, полетели на Найбу. А то что-то больно долго здесь засиделись. Нет, ты не рябчик, больно велик, ты птица Рух!

– Что ещё за птица Рух, сова какая ни будь?

– Сам ты сова, какая ни будь. Сова птица ух. Птица Рух кажется, с древнегреческой мифологии, она людей таскает.

– Вот ты и есть птица Рух, людей по хребтам таскаешь!

Покинули свои насиженные гнёзда. В бамбуке сразу стало не уютно, можно сказать замкнутое пространство, на психику давит, когда обзор равен полутора метрам.

– Андрюха, я понял за кого нас медведь принял, за чернобыльских ворон. Перья от радиации выпали, почему и на подать не стал. Медведь знает, если бы сожрал этих птичек, сам бы без шерсти остался. Летом можно нагишом по тайге лазить. Зимой в берлоги без шерсти каюк.

– Веди, давай внук Сусанина. Куда пойдём?

– Мы сейчас Андрюха не пойдём, а полетим. Ты сам с дерева видел, какой спуск. На мой взгляд, западный склон по круче восточного.

– Мы спускаться будим, нечего страшного.

– Вот тут ты не прав и шутки в сторону. Будет очень скользко, шанцы получить травму увеличиваются в десятки раз, по сравнению с подъёмом. Так что смотри в оба, варежку не разевай. Закон туриста знаешь, раненых добивают. И вот ещё что, держи Андрюха дистанцию хотя бы в десяток метров. Если тебя понесёт по бамбуку, чтоб я успел в сторону свинтить. Ну что, полетели?

– Полетели, инструктаж уяснил!

В прямом смысле слова пришлось полетать, покататься по бамбуку. Падаешь, едешь вниз, хватаясь за бамбук, чтоб затормозить. Склон оказался ну очень крутой. Пять минут матов, десяток падений, свалились в начало распадка. Целы, невредимы, а вот одежда пострадала, оба товарища порвали брюки. Тимоха на коленке, на старом шве так брючину распорол, что пришлось оторвать штанину ниже колена. Нога не пострадала, даже не поцарапал. Завтра придется идти в трико, сегодня одна нога в брючине, другая в бридже. Главное не налетать на крапиву.

Ручеёк начался сразу. Перепад сильный. Ручей летит вниз по монолитной породе желто-коричневого цвета. В небольших заводях присутствует песочек. Откуда здесь песок взялся? Кругом сплошной монолит, что застывшая лава. Ручей растёт на глазах, бежит по руслу промытому в каменной породе. Много веков пришлось, водички потрудится, чтоб сделать себе такую дорогу. На горизонтальных участках породы мелкие заводи. Склоны распадка круты, сплошной бамбук, на верхах редкие берёзовые рощицы.

Двадцать минут от хребта, распадок сменил своё обличие. Появилась пойма с зелёной по колено. По двум сторонам распадка стоят пихтовые, ельник редкий. Сверху посмотрели, в верховьях Найбы мало ельника. Вода в ручье успокоилась, довольно быстро ручеёк вырос. Полчаса ходу и уже бежит маленькая горная речушка. Рыбку видно, мелюзга. Снега не встретили, западная сторона, здесь солнышка больше, соответственно и зелёнка внизу по пояс.

На втором часе спуска с хребта Шренка. Впереди начал просматриваться хребет северо-южного направления, скоро большая река Найба. Хотели, было сделать второй перекур, два часа пути подходят к концу. Устраивают, перекур приблизительно через каждые пятьдесят минут пути, так будут делать постоянно. Скажем, привычка с детства.

Найба, кажется рядом, это рядом может продолжаться целый час. На подходящем месте надо делать перекур. Тигрёнок взял круто на север, затем снова на запад. Довольно резкий кривун, распадок стал узким. Послышался шум падающей воды. Понятно, снова водопад.

Прошли метров сорок. Стоп мотор, дальше хода нет. Водопад метра два высотой. Внизу громадная яма, не только для такой маленькой речушки. Яма колоссальная, огромный аквариум, площадью примерно в пару соток. В центре вода зелёная, дна не видно, значит глубина метра за три минимум.

Аквариум без рыбы не бывает, мелочёвки много, разных размеров, есть хорошенькие экземпляры. Сверху, в тридцати метрах западней аквариума, хорошо видно полосу желто-грязной воды, с приличной скоростью течения на юг. Найба, а почему она грязная? Стена полностью перегораживает распадок, по которому бежит Тигрёнок. По левому склону распадка, аккуратно слезли вниз, в пойму.

Подожли к аквариуму, полюбовались водопадом с другой точки. Снизу водопад смотрится красиво. Ах, фотоаппарат, ах фотоаппарат. После аквариума, Тигрёнок метров пятнадцать течёт параллельно Найбы, только в противоположную сторону, на север. Затем делает крутой поворот, метров пятнадцать бежит на запад, немного забирая к югу, и теряется в грязных водах Найбы.

Надо форсировать реку шириной метров около десяти. Вода мутная, судя по течению, на дне разбросаны большие булыжники. Зашли в воду, сразу почувствовали разницу температуры. В Найбе вода намного теплей. Наверное, оттого, что река бежит с севера на юг. Сол-

нышко долго стоит над распадком. Глубина брода стабильная, с полметра, течение сильное, вода ещё большая.

С лета пришли в весну, в месяц май. На правом берегу Найбы зелёнка поднялась всего на двадцать сантиметров. На устье Тигренка, на левом берегу Найбы, зелёнка по пояс, на Ломоносовки в рост. Вода в Найбе, что парное молоко по сравнению с Тигренком, да и с Ломоносовкой. На пойменных деревьях листочки распустились на половину, берёза только выкинула листики, так же как на хребте.

Когда ступили на правый берег, сразу бросилась в глаза огромная медвежья визитка. От души мишка постарался, много травы схарчил. Возле кромки воды на мелком песочке вперемишку с илом отчётливо видны несколько свежих автографов. Здесь был большой зверюга. Подошёл к воде и обратно в пойму пошёл. Может воду пил, а может, туристов учуял? Скорей всего второе, следы больно свежие.

Тимоха не стал говорить о выдвинутой версии на медвежью тему. Пусть сосед думает, что медведь ночью здесь гулял. В пойме, трава осока вся помята, кругом визитки больших размеров. Живёт косолапый здесь, значит, будим соседями.

Парниша решил разбить бивуак напротив устья Тигрэнка. Место не плохое, на метр выше самой поймы. В двадцати метрах на север стоит ельник, сильно разбавленный берёзой. Главное чтоб косолапый палатку не обгадил. С этого места отлично видно весь пятак поймы, до самого кривуна, хорошо видно, что медведь здесь натворил, возможно, творил не в одиночку. Короче, решил расположиться, на краю большого медвежьего туалета.

– Может, Тимоха другое место найдём? – напарнику ну очень не понравилось такое соседство.

– Андрюха, где ты будишь искать другое место, а главное зачем? Место отличное, дрова под боком, не нравится вода с Найбы, вон ручеек бежит.

– Ну, медведь прямо в ручей нагадил.

– Вот гад какой! Завтра разведку вести надо, а плясать от устья Тигрэнка. Так что это место по стратегическому положению подходит как нельзя лучше. Солнышко здесь целый день, фотоаппарат сушить будет. Охотовед сказал, что устье Десны в полчасе хода выше или ниже устья Тигрэнка, запомятовал он. Вот это меня больше всего настораживает в его рассказе, наводит на мысль, что он мне лгал. Сверху я не заметил не какой большой поймы в близи Тигрэнка, а также большого распадка с Камышового. Чтоб найти место, где нет по близости медвежьих визиток, извини, нам тогда придётся спускаться до Быкова. У кого ни будь на огороде ставить палатку. Ты должен радоваться, что находишься в настоящей тайге, где редко увидишь след человека. Но, судя по твоей кислой физиономии, ты бы предпочёл оказаться на своей Лютоге. Возле пионерского лагеря Сахалинский Артек, где пионеры и их родители всю округу загадили. Медвежье кучи по сравнению с человеческими вообще не пахнут. Так что не переживай, вонять не будет.

– Да причем здесь запах? Ты с этой Лютогой достал уже меня.

– Андрюха, привыкай смотреть смерти в лицо! – Тимоха заржал на всю речку.

– Ты, придурок, – в полголоса проговорил напарник, шаря глазами по сторонам. Как будто на смех товарища должен был появиться медведь, но где же он? – Кругом кучи, а тебе весело и какие кучи. Здесь медведи огромные.

– Андрюха, какая разница, каких размеров косолапый тебя жрать будет? Если кругом медвежие визитки, то шушукаться что ли, вести себя тихонечко, не шуметь? Мыслить надо логически, если столько куч, да хозяйских, наваленных от души, значит, медведи сытые. Не обращай на эти визитки внимания и всё, живи спокойно. Ты же на заячий помёт внимания не обращаешь?

– Ты ещё мышку с медведем сравни.

– Охотники говорят, что мышка серая в тайге гораздо опасней мишки косолапого. Знаешь, как мышка продукты жрёт? Я в этом восемь лет назад убедился воочию. Стоял рюкзак с хлебом, мышки за три дня дно рюкзака превратили в сито. А нижние буханки в месиво хлебных крошек и мышиного помёта.

– Когда нас сожрёт мишка косолапый, продукты нам уже будут не нужны.

– Сожрёт. Типун тебе на язык за такие слова. Не считай медведя глупей себя. Здесь ходит здоровенный зверь. Если придёт ради любопытства, то только молодняк. Но он не придёт, потому что здесь ходит здоровый зверь. Я же с охотоведами общался и с заслуженными промысловиками. Медведь не так страшен в своем поведении, как его малюют. Прения кончились, ставим палатку здесь, вся река должна быть в визитках. Не спал на бочки с порохом? Значить поспишь. Это будит Сахалинская рулетка. Ты Андрюха будь проще и медведи к тебе потянутся!

– Да, вот это я попал. С тобой Тимоха, что-то за год произошло? Ты хоть раз, спал в такой остановке, рядом с таким обилием медвежьего помёта?

– Постоянно сплю, в привычку вошло. Если медвежьих куч по близости нет, приходится самому делать! Противоядие вырабатываю против медвежьего психоза. А у тебя кажется, начинается медвежий психоз. Ставь палатку, турист. Жизнь ты свою ещё позавчера поставил на карту!

– А если как ты говоришь, Сахалинская рулетка на тебя выпадет?

– Рулетка не выпадает, в неё играют. Я не игрок, я зритель. А ты игрок.

– Это почему ты зритель, а я игрок? Может, я хочу быть зрителем.

– Попробуй, перегонишь меня, будишь зрителем, но я уверен, что у тебя это не получится, и ты тоже уверен! – Тимоха снова громко рассмеялся.

Андрюха занялся палаткой, парниша костром. Обилие медвежьего помёта, энтузиазма не прибавило. Ведущий на чеку, смотрит в оба глаза за прилегающей территорией. Неспроста место под бивуак выбрал на возвышенности. Что бы хорошо было видно, кто лазает в пойме по осоке. Старается быть беспечным, вида не подает, иначе дело будет труба. Своим поведением успокаивает Андрюху, чтоб сосед думал, что ему до лампочки эти кучи помета вперемешку с не переварившийся в медвеьем желудки травой.

Глядя на показную беспечность, напарник немного приободрился. Если бы ведущий показал свою настороженность, то ведомый сделался бы обузой, он бы за ним по пятам ходил. Рыбаки говорят, что на Фирсовке медведей пачками. Про Найбу говорят просто, медвежья речка. Про верховья Найбы не чего не говорят. Мало здесь народа бывает. Тимоха и предста-

вить не мог, обилия помёта на не большом участке поймы, что такое возможно, что такое оказывается, бывает.

Напилел рогачков, оборудовал кострище, завёл огонь, повесил котелок под чай. Напарник с костром успокоился, прекратил настороженно, ожидающе шарить глазами по сторонам. И Тимохе спокойней с огнём. Не стоит вилять, изображать из себя бесстрашного таёжника. Обилие медвежьего помёта на психику придавило. Сосед принялся кашеварить, сварить вермишель, заправить ее тушенкой, сложного в этом нечего нет.

Решили сварить покушать блюдо по серьезнее. Сегодня был тяжелый денёк физически и психически. Сколько эмоций за день? Сначала положительные, при знакомстве с отличным охотничьем зимовьём. На водопаде Монтана начались отрицательные эмоции и до сих пор продолжают. Можно, сказать, в туристическом маршруте, пошла чёрная полоска. Если придёт медведь, каким цветом полоска будет? Не надо думать о плохом. Не будет не какой полоски, будет всё чёрное!

Ребята не ловят рыбу в мутной водички, они честные и не совсем дураки. Знают, шиш что в Найбе поймашь по грязной воде. Можно было наловить рыбы в аквариуме, на Тигренке, водоём в полсотни метрах от палатки. Надо чередовать рыбу с мясом.

Обычно в лесу кашеварит Тимоха, сегодня он занят, неотложным делом, форс-мажорная ситуация. Уселся ремонтировать фотоаппарат, точнее будет объектив. Коробка со всеми механизмами уже просохла, всё работает, щелкает, выдержка исправна, экспонометр тоже. Из объектива, если его не разобрать, вода будет испаряться целый год.

С помощью ножа, полностью, до последнего винтика разобрал объектив, Гелиус-44. Как его информировали, советская оптика ценится за рубежом. Объективы марки Гелиус, устанавливались даже на Польских фотоаппаратах марки «Практика». В объективе много мелких шурупов, как на часах. Надо быть аккуратней, не терять это мелкое добро.

Запомнил постановку линз и колец, всё протёр насухо. Завтра на солнышке просушить, да попробовать собрать в правильной последовательности. Любой сможет разобрать до последнего гвоздя, даже космический корабль, а вот собрать не сможет. Как говорится ломать, не строить. Ломать тоже нужно с умом, чтоб потом многое из поломанного, в хозяйстве пригодилось.

Рушить, ломать разбирать, разные слова, имеющие один смысл. Часто одно и то же действие называют вот этими тремя словами. В стране советов к глаголам рушить ломать, разбирать прибавили существительное перестройка. Скажем, по-другому, и будет совершенно правильно. Три глагола заменили одним существительным.

Перестройка – это когда, что-то аккуратно разбирают, с разобранного материала делают что-то новое. Но не как не рушат, не ломают старое до основания. В СССР пошло всё как обычно, попутали глаголы. Начали ломать, рушить, уничтожать супердержаву без всякого ума, значит, не разбирали. Отсюда следует, что не какой перестройки нет, и не было. Народу, в который раз, запудрили мозги.

Ужин готов, дрова собраны, палатка стоит, матрасы надуты, короче, всё отлично. Разобраный объектив, завернул в полотенце. Плотно покушали, сегодня устали, однако, спать легли за светом. Парниша сам лично положил в костер два больших, сырых корча. На бога надейся, сам не плошай. Не когда не надеялись на бога, за место бога Авось, и разумеется пария!

5

Поспали отлично, как на речке Браконьерке. Не какие медвежьи туалеты не смогли помешать. Пройти за день фактически всю Ломоносовку, махануть хребет Шренка, пройти весь Тигрёнок. Так устали, что не постеснялись бы лечь спать рядом с косолапым.

Тимоха поднялся на восходе, Андрюха следом. Сегодня тепло, даже слишком тепло, по сравнению с предыдущей ночью. Первая ночь была прохладной, но летней. На Ломоносовке комарики хорошо погрызли. На Найбе пока, не видели не одного комара, потому что здесь ещё весна. Подживили костерок, корчи всю ночь тлели, дымили, держали в покое нервы.

Позавтракали вчерашней вермишелью, Парниша собрался в разведку. Напарник чувствует себя гораздо хуже, чем вчера утром. Работа на приусадебном участке всего на всего дала отсрочку образованию в мышцах молочной кислоты. Хребет Шренка укатал соседа. Он разбит, не столько физически, больше психологически.

Тимоха конечно не горит желанием в одиночку шарахаться по верховьям Найбы. Что сделаешь? Партия сказала надо, он ответил есть! Андрюха посмотрел на товарища прощальным взглядом. Как будто тот с топором в руках пошёл на вражеский дот и не вернется, одним словом, обречён!

Разведчик пошел вниз, Найба в этом районе пишет частые кривуны, плёсы короткие, метров по полста, южного направления. Где кривун там и прижим. Первый переход речки на левый берег чуть было не завершился потерей топора. Поскользнулся, упал в речку на четвереньки. Топор из руки выпустил, вовремя успел схватить выпущенное топориче.

Естественно слегка намок, по пояс. На третьем бросе пришлось лезть в воду по пояс. Все поймы в медвежьих визитках. У воды на мелком песке множество автографов разных размеров. Местами песок перепахан, нарыты не глубокие ямки, до воды. Что могли найти съестного косолапые в илистом грунте? Ямок нарыто много, значит, что-то находили.

Разведчик смотрит в оба глаза. Ведь идёт один, его страховою полис осталась возле костра! Страха как такового нет, если бы был страх, некогда бы не забрался в глухие, дикие места. Бодро двигается вниз, машинально отмечая следы жизни деятельности любителей лосося в томатном соусе.

Мысли совсем о другом. Почему охотовед не смог запомнить такую важную вещь. Тимофей, я позабыл немножко, толи полчаса вверх по Найбе, толи полчаса вниз. Устье Десны от Тигрёнка не далеко, рядышком. Пойма на Десне огромная, единственная такая пойма на всей Найбе. Это точные слова охотоведа.

Даже по логике вещей, в самых верхах не может быть единственной огромной поймы на всю речку. Охотовед не только в этих местах не был, он даже не смотрел на Найбу по карте. По своей специальности должен теоретически знать весь район, территории госпромхоза в котором трудится. В этом заключается часть профессионализма.

Как можно назвать шутку, какую охотовед сыграл с молодым туристом? У парниши нет цензурных слов в адрес алкаша с дипломом охотоведа, с бабьем языком. Он что, желал, чтоб Тимоха сгинул в тайге? Вот дурак охотовед! Да как же можно сгинуть у себя дома? А вот охотовед Семёныч в тайге гость. По какой причине желал парниши зла?

Что в деревне Тамбовке чуть было не пропил приёмный пункт папоротника? Или может, потому что Тимоха хорошо знает, какая Семёныч была пьянь? Об этом многие знают. Сейчас он не пьёт, говорит, что бросил. Парниша, ну очень удавился этим словам.

Пройдет три года, немножко узнает об этом лживом человеке. Охотник промысловик на троечку, не чистый на руку, скользкий, всегда прав он. Любитель обливать грязью даже своих близких знакомых, это в стране, можно, сказать национальный спорт. Тимоха не услы-

шит положительных отзывов о Семёныче. Охотовед не желал ему зла, он просто рисовался перед ним, как пятнадцатилетний мальчишка. Совершенно не думая о последствиях.

Что могло бы произойти окажись на мести Тимохи другой человек? Или может, охотовед думал, что парниша просто спрашивает, для того чтоб языком почесать? Ну, тогда ко всём достоинствам Семёныча можно смело прибавить не далёкий ум. Человек, ставящий всех людей ниже себя или даже на одну ступень с собой, но не как не выше. Такой человек не далёкий умом.

Солнышка сегодня не будет, пасмурно, стало довольно свежо. Разумеется, свежо, разведчик мокрый почти по грудь. С утра в Найбе водичка, однако, холодна. Девятый раз не стал бродить реку, повернул обратно. Спустился примерно на час хорошего хода. Где была возможность не лезть в воду, пролазил по прижимам. Внизу нет огромной поймы, обратно побежал трусцой, надо разогреться.

Пришел на место дислокации, костёр полыхает, соседа нет. Может, медведь в пойму выходил, да напарник сховался в ельнике на дереве?

– Андрюха, ты куда спрятался? Не похож я на медведя, – прокричал в сторону ельника. Прячутся все и от всех, только в лесу.

А в ответ тишина. Куда же он мог спрятаться? Внимательно осмотрел бивуак, ага, не хватает одной удочки. Рыбачить пошел, это хорошо, значит, психоз быстро прошел. Рыбачить мог уйти только на аквариум Тигрёнка. Андрюхе наверное стыдно стало. Маленький и худой ушел на разведку по реке кишашей медведями с топориком в руках. Он такой большой у костра отсиживается.

Придется снова лезть в речку, сегодня накупался на месяц вперед. Подошел к реке, увидел напарника, точно на аквариуме рыбачит. Подкрадываться пугать рыком, как многие любят, это не в его правилах, обстановка не та. Допустим на Браконьерке можно подурачиться, порычать. Здесь попробуй рыкни, напарника сразу сдует. Не заметит, как Шренка маханёт или в Быков выскочит!

– Ну не чего себе ты бегаешь? Под рыбака замаскировался? Мишка не одними туристами сыт, рыбаков обожает их больше чем туристов. Медведь ради такого аппетитного рыбака пойдёт на всё.

– Ну что Тимоха, нашел речку? – Андрюха улыбается, рад, очень рад, что сосед вернулся целый и не вередимый, как всегда с подколками.

– А я речку не терял, нет внизу большой поймы, восемь раз Найбу бродил, местами по прижимам лез. Летел что курьерский скорый, чтоб не околеть. На три раза по полчаса нормального хода, спустился по реке. Ясно и понятно, что Десна выше по течению. Где мы Андрюха стали, медвежьих куч не так уж много. Спустился на два кривуна, там такое, кровь в жилах стынет. Трава вытоптана, следов не счесть. Весь песок изрыт, а вот что косолапые искали я так и не понял.

– Видел хоть одного?

– Если бы я косолапого увидел, я бы уже летящей походкой подходил к Быкову. Интересно сколько отсюда до Быкова?

– Бежать, что ли собрался? Слабовато клюет, и видишь, какая мелкота, крупняк не хочет брать червя.

– Заставь брать!

– Как это заставь брать, тампоны надо.

– Пару булыжников зафигач в яму и скажи, что это только первое предупреждения, если, мол, дальше клевать не будете, сам в яму прыгну и тогда я вам покажу, где горбуша зимует!

– Я тебя серьёзно спрашиваю, а ты, какую-то ерунду городишь.

– Где я тебе тампонов возьму? Ладно, Андрюха, пойду вверх сбегаю. Можно конечно не ходить, ясно, что Десна вверху, но лучше быть уверенным на соточку процентов.

Как хотелось верить охотоведу. На самом деле речка Десна внизу, только не полчаса от Тигрэнка, а полный световой июньский день бодрого ходу налегке. И то бабушка надвое сказала, успеешь за день или нет? Может, вот так ошибся охотовед? Нет, так не ошибаются.

Это одинаково будет, если, допустим, сказать, что город Южно-Сахалинск находится примерно в пятистах километрах от Москвы, вот только не помню, на запад или на восток, давно я там был! Разве это ошибка? Охотовед на Найбе не когда не был. Даже не посчитал нужным, посмотреть на карту. В госпромхозе есть подробные карты. Речка Десна на карте особо выделяется.

Первый крупный правый приток Найбы, второй приток река Красноярка, в два раза крупней Десны. Третий последний огромный приток, Большой Такой, в раз пять минимум больше Красноярки. По реке Десне, да, низенький перевал через Камышовый хребет. Перевал отмечен на подробных картах, как перевал Охотничий.

С перевала попадаешь в приток реки Чеховки, в так называемую малую Чеховку. По карте, попадаешь на речку Крестьянку. От развилки до моря, до посёлка Чехов всего около пятнадцати километров. Сама река Чеховка берёт свои истоки с горы Шпанберг, это минимум полсотни километров на север по хребту от Охотничьего перевала. Вот такие люди бывают на белом свете, поступок охотоведа мерзкий, гадкий, противоречит его профессиональной деятельности.

Тимоха снова форсировал Найбу, направился лесом, забирая левее, не большой прижим обошел верхом, ельником. Пятнадцать минут ходу, впереди начало большой поймы. Выходит, не обманул Семёныч. Тогда почему не помнит такой очень важной детали, пьяный, что ли здесь был? Здесь невозможно пройти в пьяном виде. Точней, сюда невозможно попасть в пьяном виде. Пойма огромная по сравнению с поймой Тигрэнка.

По сравнению с поймой Ломоносовки эта пойма маленькая, очень маленькая. Вот и Десна, большая речка, не многим меньше самой Найбы. Такая же мутная, грязная вода, впадает в Найбу как положено с запада. Руководствуясь лживым рассказом охотоведа. Парниша, окрестил эту речку Десной.

На самом же деле это всего второй приток Найбы. Называется речка Нижняя Угольная. Выше, первый, приток Найбы, опять же правый приток, называемый Верхняя Угольная. В сущности, сливаются два одинаковых, равноценных ключа и потекла Найба. Туристы залезли в самые верха Найбы.

Вернулся на бивуак довольный, радостный, идиот! Забыл все не состыковки в рассказах Семёныча, охотовед снова стал для него хорошим, с завтрашнего дня в глазах парниши охотовед, больше некогда не будет хорошим.

– Ну что Андрюха, давай сворачиваться, на Десне станем. Всё верно, даже меньше полчаса ходу. Понял, какие у меня знакомые, везде прошли и я постараюсь пройти по всем речкам.

– А ты Тимоха наговаривал на охотоведа как на самого последнего охотника любителя. Это же охотовед, они в лесу разбираются от и до. Слушай, а вдруг дождь пойдёт? Погодка вон, какая не хорошая.

– Вполне вероятно, зелёнка с утра сухая. Беру свои слова, обратно сказанные в адрес Семёныча. Дождь если пойдёт, станем, где не будь. Кстати Андрюха выше не куч и не следов. Так что сворачиваемся.

– Тимоха, а уху варить, рыба почищена.

– На Десне сварим, пойдёшь с котелком в руках, не чего было ловить. Да далеко не пойдём, на пару часиков поднимемся, да хватит на сегодня.

– Ну ты и гад, ухи сегодня не получишь!

Напарнику не хочется срываться с места, он уже не боится, что медведей здесь полно. Надо было бы день постоять, но кто знает, сколько придется лазить в отрогах Камышового хребта?

Охотовед Семёныч языком везде был. Язык как говорят, до Киева доведёт. А то что язык часто доводит до могилы, на много чаще, чем до Киева, об этом почему-то не говорят.

На эту тему другая поговорка – язык враг мой. Бедный язык здесь не причём, всё дело в мозгах. Одного язык до Киева доводит, другого быстренько спроваживает в мир иной, чтоб не мешал людям жить.

У третьего язык других пытается отправить в мир иной. Зачислить в список без вести пропавших. На острове блудить, сгинуть в тайге с голодухи может только полный идиот. Тимоха не говорит, про тех, которые сгинули в тайге при помощи полученных травм, здесь совсем другое, обстоятельства, а точнее рок. Если ещё точнее, то невнимательность, короче сами виноваты.

Попили чаю, свернули бивуак. Самое главное, чтоб дождик ребят не застал на самом интересном, больно душно. Самое интересное в этом случае, когда польёт дождь, туристы будут находиться, в неподходящем месте для разбивки бивуака, такие места могут тянуться на километры. Не чего страшного, не растают, лето на дворе.

Аккуратно пристроил в рюкзаке, разобранный объектив, завернутый в полотенце. Уже чувствует, что эту штуковину правильно не соберёт, забыл последовательность постановки линз, промежуточных колец. Линз в объективе оказалось шесть штук, мастер – ломастер представить не мог, что столько много увеличительных стеклышек в одном объективе.

Дошли до устья Десны, потянули вверх. Наверное, надо называть речку своим истинным именем. Потянули вверх по Нижней Угольной. Огромная пойма закончилась быстро, но пока в Тимохиной голове сто процентная уверенность, что они идут куда надо, правильной drogой идете товарищи! Речка оправдывает свое название. Прижимы на кривунах все в горизонтальных полосках, чёрная полоса каменный уголь, серая полоса порода.

Встречаются довольно широкие пласты угля, уголёк тускло блестит. Речной камень вперемешку с камнями угля разной фракции. Прошли по реке около трёх часов. Теперь ведущий идет на волне, снова ругает охотоведа. Не нравится ему эта Десна, потому что идут на север.

Солнышко временами прорывает молочную пелену. Что-то здесь не то и не так, нутром чует, что идут не туда куда надо. Остановились напротив устья приличного ручья с чистой, прозрачной водой. Ручей бежит с запада. Время четвертый час, на сегодня хватит идти на север. Завтра, решил лезть по чистому ручью, на запад.

Андрюха преступил к разбивке бивуака, сегодня всё на нём, палатка, костёр, уха. Тимоха полностью погрузился в сборку объектива. Развернул полотенце, посмотрел на шурупчики, на линзы, кольца. Возникло желание взять всё это барахло, и стряхнуть с полотенца в речку, как не нужный хлам.

Ладно, будет мал-мал думать. Куда что вставляется, чем крепится? Это вам не по тайге носится, какую-то Десну искать. Думать оно тяжело, тем более, когда ум советского обывателя находится далеко от данной речки. Партия, она бы быстро собрала, не глядя, раз и готово!

Колдовал над объективом около двух часов. Андрюха давно покончил со всеми бивуачными делами, уха стынет. Был перерыв, в умственной работе, без этого не как нельзя. Хотел, было внести свою лепту в заготовку дров, сделал гадость, топор сломал! Топорище обломилось возле самой железяки, плохо дело. Ремонтировать топор поручил соседу, плотник должен быстро наводить ремонт данному инструменту.

Не так сильно стала душить жаба, пусть делом занимается! У него голова пухнет, все линзы не лезут, не умещаются в объективе, а напарник сидит, отдыхает! Андрюха естественно, областал товарища хорошими словами, не стоит их вспоминать. Сломайте в тайге единственный

топор, вы узнаете много хорошим слов, это в лучшем случае. Куда напарнику деваться с подводной лодки, на которой безбашенный капитан!

– А как Тимоха деревяшку с топора выбить?

– Андрюха, костёр горит. Что со всем тямы нет. Как ломать так мастер, новый топор угробил!

– Тимоха, ты совсем обнаглел, всё поломал и на меня списываешь.

– Правильно. Фотоаппарат не заработает, Серёжки скажу, что ты Зенит в речку бросил, специально. Топор кому нужен? Тебе, ты по ночам костры жжёшь.

– А тебе что, не нужен топор? Сам вчера полный костёр дров наложил.

– Всего два корча положил, и топор здесь не причём, такие корчи даже ломом не вырвешь.

Понял? Я просто не в меру здоровый!

– Ты просто не в меру говоришь.

– Да если бы я вчера корчи в костёр не положил, ты бы не спал. Я же за тебя беспокоюсь. Зачем нам топор, разуй глаза, кругом уголь. Брось железяку в костёр, деревяшка подгорит и все дела.

– А вдруг метал отпуститься?

– Мы его не куда не отпустим. Если ты плотник, не лезь в материаловедение по металлу. Твое призвание дерево! Топор до красна, не накалять, в воду не опускать. С какого перепуга метал отпуститься? И точно господин дерево!

– Сам ты дерево. Я в тебя сейчас топорищем попаду, господин железяка.

– А если промахнешься? В тебя фотоаппарат пойдёт, он железный, – вкрутил собранный объектив. Наконец-то смог впихнуть все линзы и закрыть. Навел фотоаппарат на Андрюху. – Ну-ка плотник раззявь варежку пошире! Улыбочку, что плохо понял?!

– Ты, фотограф, плёнку то хоть вставил?!

– Такая морда и без плёнки нормально получится, а на плёнку ты не поместишься! Я резкость проверяю, работу собранного объектива, плёнку вставить не долго. Ты, повар плотник у тебя суп кипит. Ты его что, по второму разу варишь, рыба, что ли старая попалась, жёсткая? Или спишь на ходу?

– Я не сплю, а топорище строгаю, – напарник отодвинул котелок к самому рогачку. – И это не суп, а уха, и не варю, а разогреваю. Выйдем из леса я тебе всё припомню.

– Значит, не выйдем! Нет, шутка. Мы Андрюха выйдем, не расстраивайся, но когда ты забудешь всё, даже как звать себя. Перестройка к тому времени закончится. Уха молодой человек варится без картошки, как на Ломоносовке варили. У вас рыбный суп.

– Где ты картошку видел? Ты Тимоха, по-моему, себя плохо чувствуешь, – на полном серьёзе, без тени какой либо улыбки сказал сосед.

Парниша посмотрел на товарища, тот серьёзный как не когда. Кто же из них двоих умом тронулся? Отчетливо видел, как товарищ чистил картошку, или кажется, что видел? Подошел к костру, залез ложкой в котелок, картошка на месте.

– Ха, ха, ха, один ноль в мою пользу!

– Ну, у тебя и шуточки, юмор какой-то плоский, деревянный, одним словом плотницкий!

– Мои шуточки простенькие и безобидные, а у тебя любая шутка язвительная, с подтекстом. Я бы тоже так хотел шутить, но у меня не получается, для этого талант нужен.

– Не подлизывайся, за обман проводника, сегодня останешься без фотографий.

– А ты без дров и без ухи, короче, голодный будишь сегодня. Наказан за неправильное поведение.

– Ну, голодным я не буду, не нальёшь чашку, ночью всю уху сожру. А на счёт дров, да на хрен они мне нужны, я сейчас угля насобираю!

Зарядил в фотоаппарат плёнку, запечатлел Андрюху сидящего на коленях на голой земле с огрызком топорища в руках. Это будет первая фотография после перерыва длиной больше

суток. Пошел собирать уголь. Далеко ходить не пришлось, уголь кругом, насобирал ведра три угольных гольшей. Вода камень точит, уголь мягкий камень. Так что на песчаной косе весь уголек как бы облизанный, даже встречаются шарики почти, что правильной формы, сделанные из каменного угля.

Деревяшку с топора выжгли, плотник насадил топор на огрызок топорика. Общая длина топорика получилась сантиметров двадцать, получился не топор, а туюлка. С таким топором не срубишь не чего серьёзного. Ребята не собираются лес валить.

Уложил в костёр весь собранный уголь. Сели ужинать. Хорошо стало, как в городе, в частном секторе зимой! Слабенький ветерок крутит, гуляет по рассадку. Потянет в сторону палатки, становится ещё лучше, в лицо дышит родной запах кочегарки. Ну и вонища, дёрнул же Тимоху чёрт на тупой, глупый поступок.

Чёрт здесь не причём, после похода следовало бы сходить к психиатру. Но ведь не пойдёт. Дураков много видел, такого как сам, впервые встретил! Уголёк разгорелся быстро, за место густого серо-жёлтого дыма, повалил чёрный дым! Андрюха кушает, на товарища косится, головой мотает, улыбка ехидная, не нравится ему запах и дым костра. Но по глазам видно что обстановкой доволен.

– С таким костром нам ни кто не страшен, да Тимоха?!

– Ещё бы. Всё живое в радиусе километра передохло! Деревья голые стоят, листва опала и в воздухе сгорела. А ты что кого-то боишься, хотелось бы узнать кого?

– Тебя. Кстати листвы здесь не было, листочки, только, начали распускаться. Поздно сюда весна пришла, год такой.

– Год как год, обычный и весна нормальная. Просто кто-то до нас в этом районе жёт такой же костёр. Здесь листвы не было и больше не будит. Уголь радиоактивный, у тебя на днях волос посыплется.

– Ой, а у тебя язык от радиации отвалится! Как думаешь, до утра хватит?

– Чего хватит, уши что ли? Я удивляюсь, как ты сразу всё не сожрал.

– Какой уши? Угля в костре.

– А что уши уже нету, ты даже не помнишь, что она была, – Тимоха покосился на котелок. – Ты проглянь, осталась уха. Андрюха, у нормальных людей в костре дрова горят. До утра? До следующей весны хватит. Не какие пожарники не потушат, вечный огонь. Под нами угольный пласт, к утру он должен взяться.

– А ты откуда знаешь, что под нами угольный пласт. А, вспомнил, ты же в геологоразведках работал.

– Во-во. Я геолог старый, можно сказать рудознавец! Все приметы знаю. Вот допустим, если рогачки наклонились в сторону речки, значит внизу большой угольный пласт.

– Ну а если рогачки к костру наклонятся, то какой пласт, что тогда, а, рудознавец?

– Тогда знаешь что? Рогачки к утру сгорят!

Поужинали, в который раз посветлу залезли в палатку. Вид бивуака наводит на ужас. Уголёк разгорелся на полную. С костра валит столб густого чёрного дыма. Как будто в костёр бросили охотоведа в болотных сапогах. Ветерок не чувствуется, но он крутит.

Через год, мельком удастся посмотреть подробную карту юга Сахалина. Скопировать карту не дадут. Владелиц карты тоже сволочь хорошая. Даже не объяснит причины, нельзя и всё. Причина ясна без объяснений. У него есть карта, а у других её нет, к нему обращаются. Так вот, от Тигрénка до Десны по правому берегу Найбы десятков речек.

После просмотра карты слово охотовед в лексиконе Тимохе, станет сродни с козлом. Он будет обзывать напарников, которые сделали что-то не правильно, охотовед долбанный. Парниша конечно не прав, но что сделаешь, если обида на охотоведа Семёныча так глубоко вонзилась в душу и зудит, как болючая заноза.

В любой профессии есть профессионалы, они избрали профессию по зову сердца. Так же в любой профессии хватает случайных людей, они не смогли поступить туда куда хотели, пошли туда, куда смогли поступить. В Советском бесплатном образовании данная тенденция развита. Сколько дубов, баранов получили дипломы о высшем образовании.

Третья ночь тоже прошла спокойно. Сколько можно? Может уже хватит? Когда медведь придёт, надоело ждать? В эту ночь, сам бы чёрт не подошёл близко к палатке. Когда ветерок тянул на палатку довольно продолжительный отрезок времени, минут так пятнадцать и более. Создавалось ощущение, что спишь в кочегарке с неисправной вытяжкой. Палатка слегка почернела, на взгляд Тимохи. На взгляд Андриухи палатка стала чёрной.

– Тимоха, палатку стирать будишь.

– Во даёт! Сначала Тимоха заштопал палатку, а теперь хочет, чтоб Тимоха постирал палатку. Андриуха, делай хоть что, палатка новой уже не будет. Ты же сам вчера радовался, ура кричал, в ладоши хлопал, вокруг костра прыгал как шаман обожравшийся мухоморов. А сегодня он не доволен.

– Кто прыгал, кто бегал, кто ура кричал, что ты врешь?

– А ты докажи что этого не было. Будишь возникать, всем во дворе расскажу, как ты вчера исполнял шаманские обряды. Тебя за это из комсомола исключат!

– Не переживай, я сам уже исключился из комсомола и тебе ни кто не поверит.

– В том то и дело, что именно мне поверят. Ты хорошо знаешь, что мне поверят. Я тебе можно сказать жизнь спас, а ты меня заставляешь палатку стирать. Думаешь, я просто так вчера в костёр угля наложил? Когда ходил на разведку вниз, подслушал медвежий разговор, тебя сожрать хотели. Так что ты мне ещё должен.

– Ну и сколько я тебе должен?! – сосед смеётся.

– Во сколько свою жизнь оцениваешь, столько и должен.

– Говорят Костромское от Чехова не далеко, да?

– А ты что решил сдаваться, потерпи до Южного, там как никак областная, врачи опытей.

– Тебя сдать хочу, до города не вытерплю. Что день грядущий нам готовит?

– День давно наступил. Жару готовит, пекло. Видишь? Даже с веток капает, обильная росса.

– Такое ощущение как будто ночью здесь дождь полевал и туман вон, какой густой.

Тимоха подошел к костру посмотреть, что получилось? Нечего не получилось! Угольные камни ещё горячие, на камнях много трещин, не один не рассыпался. Попробовал, было расколоть один из обгоревших угольных камушков, не чего не вышло, крепкий, однако. Топором бы конечно расколол. Всего на всего проверил, какой здесь уголь, выяснилось, что плохой уголь. Значит, не качественный уголь? Может не обогащенный, а может солнышко, ветер и вода привели в негодность уголёк? Камни, приблизительно на одну десятую часть уменьшились в размерах.

– Ну, как Тимоха уголёк?

– Для промышленности не пойдёт, хреновый уголёк. Так что товарищ младший геолог придется искать другое месторождение угля. Младший, а жрёт, как министр геологоразведки!

– Кто кого больше жрёт, здесь ещё надо разобраться.

– А что разбираться, уху ночью схомячил.

– Кто схомячил? – напарник с недоумением уставился на товарища.

– Ну не я же. Я хотел ночью съесть уху, опоздал. Ты оказался проворней.

Сосед принёс котелок, он в траве стоял, – Чего ты постоянно врешь? Пол котелка супу твоего рыбного.

– А чего ты постоянно веришь? Ну, если моего супа, значит, один буду кушать. Это я реванш взял за вчерашние. Так что счёт уровняли, один, один. Медведь бы, что ли пришел и не куда бы ни пошли.

– Побежали бы. Где сегодня будим, Камышовый перевалим, нет, а, товарищ старший геолог?

– По идеи, точнее хотелось бы перевалить. Но что-то Андрюха не так. Не совпадает с рассказом охотоведа. Эта Десна, почему-то с севера бежит.

– Да уж, сегодня с утра значит охотовед снова плохой! У тебя через день. Вчера гордился знакомством с таким человеком, позавчера столько грязи на него вылил, сегодня значить решил продолжить грязь лить. Ну, Тимоха! Завтра свои слова обратно брать будишь, да?

– Вот теперь, по-моему, нет. Разве на этой речки была огромная пойма?

– Ну, для верховьев огромная пойма.

– Андрюха, Семеныч говорил, что на Найбе больше нету такой большой поймы, как на устье Десны.

– Ну, это же ерунда, чем ниже, тем поймы больше. Вот на Ломоносовке огромная пойма.

Парниша убрал с кострища угольные камни, положил хвороста, который сразу задымил. Опустился на колени, раздул огонь.

– Что, спички кончились?

– Экономлю спички. Кто знает, сколько месяцев продеться, шарахаться по тайге?

– Я знаю, как курево у тебе закончится, быстренько из леса выскочим.

– Да, ты прав, мало сигарет взял.

Завтрак, сбор. Ни что не забыто? Если так, значит вздрогнули. Полезли по ручью на запад, водица с утра как обычно, ледяная. Стараются в воду не залазить, благо ручей не широкий, где надо, можно перепрыгнуть. Кругом ельник, сам распадок фактически голый, зеленка только начала пробиваться из земли. Распадок можно сказать прямой, не одного кривуна. Вскоре массив ельника остался внизу, потянулись бамбуковые пейзажи.

Солнышко начинает жарить. Полтора часа ходу, добрались до самих истоков ручья. С ходу взяли крутой, но короткий склон, протяженность метров около двадцати. Поросший сильным бамбуком по грудь. Залезли на водораздел. Только не понять, что от чего этот хребет или отрог разделяет? На западе нагромождение хребтов, сопок, невозможно разобраться, что куда идёт.

Зато на востоке прямо перед глазами возвышается исполин, гора Рудановского. Тимоха эту гору не спутает, не с какой другой горой. Стоит, смотрит на гору и чешет свою макушку, что-то здесь не так. Гора Рудановского напротив, а Шпанберг намного южнее.

– Эхма! Что-то Андрюха здесь не то и не так. Видишь вон ту самую высокую гору на юго-западе?

– По-моему самая высокая гора с другой стороны. Вот она, перед тобой.

– Ты, плотник, я тебе про юго-западную гору спрашиваю! Самая высокая она. А с востока гора Рудановского. Гора рядом вот и кажется самой высокой.

– Ну, вижу, гора похожа на кратер вулкана. И что из этого следует?

– А следует, то, что куда ты завёл нас проклятый старик, пошли-ка вы нафик, я сам заблудился. По всей вероятности тот потухший кратер гора Шпанберг. Гора должна быть с севера от нас. Чеховка берёт свои истоки с южных склонов Шпанберга. Здесь падать нельзя, можем упасть в Томаринку или даже северней, в Старицкую высыпаться. Придётся Андрюха прогуляться по хребту на юг, километров так надцать.

Если бы сразу упали на запад, то очутились бы в самых верхах Нижней угольной, вернулись бы на исходную позицию. Ошибся Тимоха, это не Камышовый хребет, всего на всего

отрог, идущий параллельно Найбе, служащий водоразделом между, рекой Пожарской и Нижней угольной.

Если бы упали на запад и не пошли по ручью вниз, а снова залезли наверх. То оказались бы на Камышовом хребте. Вот здесь бы он был прав, упали бы в речку Томаринку или в речку Старицкую. Карту помнит хорошо.

Но как упоинал не единожды, на карте в атласе Сахалина у реки Найбы приток один, Большой такой. На этот раз интуиция чувствовать правильный путь, не то что подвела, вообще отказалась работать. Кинула, оставила интуиция Тимоху один на один с верховьями Найбы. Как хочешь, так и выкручивайся. Нечего страшного, с туристами идёт Авось, если он бросит. Нелёгкая рядом крутится, поедут на ней. Если нелёгкая не выдержит, значит, судьба быть без вести пропавшими в тайге!

Слишком быстро забрались на хребет, гора Рудановского возвышается исполином. Сам хребет Шренка рядышком и тоже возвышается исполином. Такого быть не должно, Камышовый выше Шренка. Полезли по бамбуку на юг, хребет ровный, седловины отсутствуют. Ребята кашляют от пыли, глотки пересохли, становится больно глотать. На них сидят тысячи клещей, товарищи не обращают внимания на этих паразитов, в данное время им не до клещей. В июне месяце, бамбук рассадник клеща.

Вчера этот путь прошли низом по воде, сегодня идут в обратную сторону верхами, по грудь в бамбуке. Терпенье кончилось, упали на восточную сторону, до воды. Она рядышком, пятнадцать метров вниз. Теперь трёп охотоведа заработал на полную, дал результаты.

Напились водички, умыли морды, посеревшие от бамбуковой пыли, которые сразу превратились в лица. В ручейке углубили русло, точнее каждый вырыл себе ямку. Минут двадцать, не снимая кроссовок отмачивали ноги. После бамбукового марш броска, ступни ног горят. Как приятно погрузить ноги в прохладу.

Сидят молча, парниша больше не кусает Андрюху, шутки закончились. Сосед на ведущего смотрит волком, злой, однако. Не нравится соседу, что Тимоха таскает его по бамбуку. Ведущий тоже злой, он теперь точно убедился, что его обманули как доверчивого ребёнка. Стоп, но ведь охотовед не гнал его в лес? Стоп, но ведь кто-то должен быть крайний.

У Андрюхи крайний, Тимоха, а у Тимохи охотовед. Если бы не лживый рассказ охотоведа, он бы не сделал такой ошибки, посчитав отрог за главный хребет. Потому что ищет речку Десну, а точнее высматривает низенький перевал Охотничий, в десяти километрах северней Шпанберга. Перевал Охотничий, находится минимум в двадцати километрах южней Шпанберга.

Снова залезли на хребет, снова взяли курс на юг. Андрюха стал теряться в бамбуке, сломался сосед. Он не двухжильный, как например его напарник. Пришлось скорость сбросить. И так-то еле ползли, теперь любая черепаха обойдёт ребят как стоячих. Прошли перемышку в виде неглубокой, но широкой седловины, перемышка идёт на запад к нагромождению сопок, поросших ельником.

Эта перемышка потвердела сомнения, что идут не по Камышовому хребту, подтвердила, но не убедила. Шпанберг фактически не приблизился, только стал ещё западней. Можно сказать Шпанберг стал напротив перемышки. На самом деле это не Шпанберг, а гора Якутская.

С южной стороны перемышки огромный природный цирк, Колизей. Круглая глубокая чаша, сделанная как по циркулю. Куда не кинь взгляд, везде бамбук. Только на юге цирка не большой массив ельника. Выхода воды нет, но ведь он должен быть, внизу не видно озера.

Да хотя бы было озеро, выход всё равно должен быть. Ну что, надо падать в этот природный огромный Колизей, вода срочно нужна, ступни снова горят, горло першит. На востоке склон стал крутым, больно далеко до воды, очень далеко. Нет смысла падать на восток, на запад до воды дальше в десять раз, зато смысл есть!

До дна природного Колизея, до воды, спустились минут за двадцать. Ручей большой, бежит на юг. Куда же водичка течет? Выхода с цирка не видели, не смогли рассмотреть, не заметили. Парили ноги минут пятнадцать, между делом стряхнули с себя клешей. Пока не присосался не один гад. Тимоха работает фотоаппаратом вовсю.

Завтра курево кончится, придётся курить самокрутки, слаживает окурки в пакетик. Надо было ещё пару пачек брать, постеснялся. Теперь поздно, до зимовья как до луны. Луну хоть ночью видно, зимовье и ночью не увидишь! Может, ребяташки найдут другую избу? Охотники кругом промышляют. Хребет везучим оказался, столько пройти, стланик не попался. Всего на всего, данный отрог низкий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.